

Если люди действуют лишь в своих непосредственных интересах, то может возникнуть несоответствие между ближайшими и более отдалёнными результатами их деятельности. В таких случаях конечные последствия сознательной деятельности людей оказываются стихийными.

Большая Советская Энциклопедия

Alexander ASMANOV

Consequences

Poems and prose
2006-2009

Москва, 2009 год.
Издано к 50-летию автора.
Тираж 1.000 экз.
Формат 70x90/32
Рисунки и фотографии автора

Александр АСМАНОВ

ПОСЛЕДСТВИЯ

Стихи, проза и рисунки
2006-2009 гг.

Фотография Григория Кузьмина. 2009 год

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сколь веревочке ни вейся...»

Не нова идея о том, что ежесекундно мы совершаем осознанный или неосознанный выбор из миллиардов возможных продолжений своего дня, года, жизни, судьбы. Я назвал новую книгу «Последствия» потому, что истинное понимание правоты этой догадки о выборе пришло ко мне совсем не так давно – может быть лет в 45. До того я лишь радовался красоте афоризма, не более. Зато теперь физически ощущаю, как много значат для человека каждое сказанное им слово или подуманная мысль, каждая дружба или вражда, каждый шаг в ту или иную сторону. Словно во времена древнего голосования, кувшин наш наполняется белыми и черными шарами, и придет день, когда кто-то беспристрастный подсчитает их количество. Боже, как далеки окажутся наши представления о добре и зле от того, что выявит подсчет. Каким странным покажется результат.

Несколько лет назад, в период обрушения государственных устоев власти рабочих и крестьян, у поэтов, прошедших горнило перестройки, в моде было самоцитирование старых строчек с обязательным рефреном: «я же все предугадал». Соблазн оказаться пророком был слишком велик, чтобы удержаться. Помню многие из таких «угадок» – предрекались и войны, и обрушение Останкинской башни, и забвение генсеков, и распад Союза, и мало ли чего еще – все сбылось, все произошло по-написанному. Но, как ни странно, в период распада государства пророком быть легко – надо только не быть фанатиком. Это все равно что предрекать смерть больному, у которого уже наступила агония. Уловленные и использованные в стихах мотивы разрушения – не особая заслуга, а прямое следствие творческого мышления. Это мышление, как собачий нос, легко выделяет наиболее сильные социальные «запахи», и когда «в воздухе пахнет грозой», легко впитывает аромат озона.

ПРЕДИСЛОВИЕ

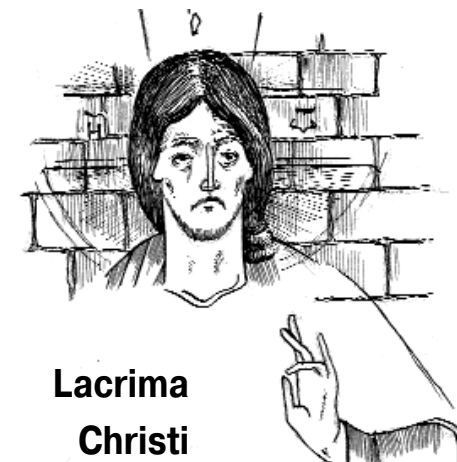
Сложнее другое. Намного сложнее уловить ветер перемен там, где ничто его не предвещает. Где тенденции представляются очевидными, а плохие перспективы собственного «завтра» застыт взор. Сложнее уловить неотвратимость последствий тех поступков общества, что не из явных и вопиющих, а из тех, что кажутся естественными и безобидными.

Сегодня мир готов к последствиям. Слишком много в нем накопилось поступков, требующих подведения итогов, вопиющих о переменах. И ни собачья грызня за лучшие кости у кормушек, ни волчий страх перед охотниками, ни смешение языков, когда внутри одной страны люди перестают понимать друг-друга, не способны этому помешать.

Я не знаю, какие из наших поступков будут отмечены белыми камнями, а какие черными. Я только говорю о том, что все они сочтены и учтены, и подведение итога не за горами. Мы живем в предмессиянскую эпоху. Тому много свидетельств: сегодня пусто «свято место», и его стремятся занять кто попало. То и дело человечество творит себе кумиров, выдвигая актеров в президенты и губернаторы, кидаясь от одной партии к другой, пытаясь молиться всем богам одновременно... Но грядет время Мессии. Наше поколение едва ли увидит его, но вот наши дети или, в крайнем случае, внуки – увидят. Они и оценят последствия наших поступков уже иной мерой – мерой новой Веры и нового Понимания.

Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.

Александр Асманов

**Lacrima
Christi**

«Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвует еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает» .

Лао-Цзы

ВОЙНА В ИРАКЕ

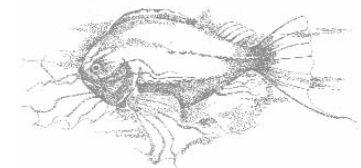

Песчаная рыба – владыка песков,
Несомая пылью тугих плавников,
Чей в жаркой пустыне, как желтый алмаз
Свирепо горит немигающий глаз...

Ей бросили перстень – он канул в пески –
Движением царственной вялой руки,
И скоро у трупов в армейских гробах
Все тот же песок захрустит на зубах.

А позже – я знаю, о чем говорю –
На блюде песок подадут и царю,
И перстень свободы вернется в страну,
Начавшую пыльную эту войну.

И сбудется вновь, что однажды сбылось:
Истлеют полотнища звезд и полос,
И в горном собрании каменных лиц
Песок заструится из мертвых глазниц.

ОБЕЛИСК

Врезаны в красный гранит имена
Золотом ярким, как суры в Коране,
Черная бронза обременена
Памятью грозных геройских деяний,
Смесью причудливой правды и лжи,
Песней наскальной древнейшего края...
Здесь вечерами седые бомжи
Милость прохожих вдвоем распивают.
Капля течет по горячей трубе
Острой амброзией, мертвым нектаром,
И повторяет упавший себе:
«Значит недаром боролись... Недаром».

ПРОЩАНИЕ С ВЕКОМ

---

*«Только пепел знает, что значит сгореть дотла.»
Иосиф Бродский*

Кораблю интриг и репрессий худо –
Он уже не флагман, а так – посуда,
Заклепали жерла, готовят в жертву,
Ибо новый век... ибо Двадцать Первый.
Мы глядим тоскливо на дыры в днище,
Мы в броне каверны и щели ищем,
Мы кричим на пирсе, дурны и босы,
А ведь раньше были на нем – матросы.
Мы еще заменим, живя без дела,
Пустоту души пустотою тела...
Впрочем, правду шепчут прилива волны,
Что заменим вряд ли... Скорей дополним.
Нам еще лежать в перезревших маках
И ловить ножа в припортовых драках,
И тряпье сдирать, заголяя раны,
Вымогая звание: «ветераны»...
Дескать все мы – жертвы чужих ошибок,
И оглохли мы от чужих глушилок,
И нам воздух спертый милей озона,
Ибо так учили тюрьма и зона...

Только все мы прежде любили кубрик,
И в порту любили поклянчить рублик,
И сходя на берег, несли подружке
Продуктовый пай к юбилею пушки.
Но и этой правде выходят сроки,
И напрасны крики, напрасны доки,
Мы свою уже получили заводь...
Что бы там ни строили – нам не плавать.
Наши дамы красят седые букли,
Мы готовим фото для рамок в крепе.
Вот и все... Остыли в кострищах угли.
Остается пепел... Холодный пепел.

* * *

«И на границе тростника и моря
Так странно, что зовусь я Федериго»

Ф.Г. Лорка

На границе комнаты и ночи
Имя, что дано мне от рожденья,
Больше ничего уже не значит.

Темный март капелью мироточит
Знаменуя чудо воскрешенья
В тихом Переделкино на даче.

Видно где-то протрубил побудку
Старый ангел в пестром оперенье,
И земля зашевелилась странно,

Словно почву поднимают руки
Вставшего из мрака населенья –
Гениев, безумцев и тиранов.

Будет всем и каждому по вере,
По грехам и праведности будет,
И давно готовые к ответу,

Мы столпимся у Господней двери,
Лишь о том грустя, что не наступит
Больше в мире *никакое* лето.

* * *

В комнате, похожей на пещеру,
В комнате, где руки не дошли
Ни повесить на окно портьеру,
Ни полы очистить от земли,
Где трюмо стоит мутнее страза,
И хранит неяркой лампы блик,
Где кровати нет, а два матраца
Помнят жар любви сороковых,

В комнате, где женщина струится
Вяло, словно капля по стене,
Вереницей проплывают лица,
Как окурки на речной волне.
Это все — то гости, то соседи, —
Персонажи пьесы никакой.
Замирают в медленной беседе,
И опять уносятся рекой.

Насорят, наговорят, напьются,
Протрезвеют, вновь наговорят.
И до смерти хочется проснуться,
Много дней и много лет подряд.

ЧЕТЫРЕ СТИХИИ

Говоря между нами –
а между кем же еще? –
Хорошо бы стоять,
Не промокнув, под сильным дождем,
Наблюдая за каплями,
За поведеньем воды,
Оставляющей воздухе
Явные глазу следы.

Впрочем, можно угадывать
И поведенье огня,
Не сгорая в костре,
За поленьями вслед – не дымя,
Но танцую с его языками,
В язычестве поз,
Танец древней Вселенной
И новых блуждающих звезд.

Говоря между нами,
И ветер нетрудно любить,
Как энергию – ту, что
Дает нам о прошлом забыть,
Словно мысль, прозвучавшую
В брошенном доме пустом,
Но живущую нервно,
Как ручка над белым листом.

Говоря между нами,
Такое случалось уже.
Всякий раз – на пределе,
Всегда – на крутом вираже.
И Земля, отражаясь
В тускнеющих радужках глаз,
Превращалась в пристанище
Для просветленных — для нас.

* * *

Холодные, пустые берега,
И зимний день на пляжных лежаках —
Вот книга вам. Еще ничья рука
Не пролистая мудрости ее.
Здесь каждая строка — Любовь и Страх,
Здесь буквами — летящие следы...
От постиженья память отстает.
А влажный и соленый звук воды
Напоминает желтый шум страниц.

И это все придумано не мной.
Еще тогда, когда Адам-дурак
В самом себе объединил трех лиц –
«трех сыновей гармонии одной»,
Уже тогда из этих горьких влаг
Поднялся и раскрылся первый том.

Но Человек, и множась, и дробясь,
Забыл язык. Деленьем на троих
Разъял себя. Лишь редко, под дождем
На зимний пляж пустынный воротясь,
Мы вспоминаем Душу, Смысл и Дух,
И книгу, торопясь, читаем вслух.

ПЛЯЖНОЕ

Я в отпуск уехал случайно, случайно,
Один - загорай, не могу...
Мне было тепло и немного печально
На летнем морском берегу.

В пространстве сияли серёжки и бляшки,
Пил пиво горячий народ,..
Кораблик я выстругал из деревяшки
И сделал из веточки грот.

На солнечном пляже, куда в экипажах
Стекается люд делово,
Я поднял кораблику парус бумажный
И выпустил в море его.

Вокруг загорали, орали, потели,
Любили, ходили с туза...
Но вслед за корабликом долго глядели
На пляже чужие глаза.

Следили, едва пробуждаясь от лени,
От сладких коктейлевых льдин,
Последний корабль моего поколенья -
На целое море один.

ХУДОЖНИК

Развешено с утра бельишко по дворам,
Молочницы спешат, бидонами звеня,..
Обрезок колбасы (два-двадцать килограмм)
И белого батон – на завтрак у меня.

Ах, да, еще в шкафу на верхней полке есть
В зеленой пачке чай. Пора б его достать.
Название у него простое: «тридцать шесть»
(Не знаю, почему. Не видел «тридцать пять»).

На службу не спешу: художнику – лафа,
К нему менты и те приходят на поклон,
Поскольку есть у них бюджетная графа,
Куда наглядный стенд пристойно занесен.

А скоро Первомай – уже вовсю апрель!
Грядут ведро белил и кумачовый цвет,
И на недельку в стол исчезнет акварель,
И вылезет на свет трехслойный трафарет...

... Все минуло давно. Украли во дворах
И чистое белье, и старые столбы,
Во встреченных глазах – жестокость или страх,
Зависимость от зла, иллюзий и судьбы.

Но то, что свыше, не пропьешь и не продашь,
И небо на меня глядит из мутных луж,
И вечером блестит на полочке гуашь,
И в темном пузырьке волшебно пахнет тушь.

* * *

Вдоль по долам, тут и там,
Толст или же тонок,
Ходит-бродит разный хам,
Взрослый и ребенок.

Хам не гибнет от меча
И не тонет вовсе,
Он почти как саранча
Плодовит в потомстве.

Я привык встречать его,
Где б ни шла дорога...

Я не знаю одного:
Ну зачем так много?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи ребенок. Что не спишь?
Белка – рыженькая мышь –
Спит, укрытая хвостом,
В мягком доме под листом.

В этот час неспящих нет:
В будке спит патрульный мент,
И, набравшись от души,
Спят в салатах алкаши.

Спят в коробочках бомжи,
Спят колючие ежи,
С депутатом депутат
Тоже тихо, нежно спят.

Спит на улице таксист,
Спит с гранатой террорист,
Спит скинхед, и спит еврей
С бородою от бровей.

Спят и совесть и вина,
Спит огромная страна,
Видит тихий сон во сне
О дневной своей тусне.

Спи детеныш. Баю-бай.
Маму с папой не ругай,
Что не спавши как-то раз
Завели тебя у нас.

Завтра будет новый день,
Уползет в подвалы тень,
И пойдем мы, не спеша,
В ближний лес будить ежа.

ПРЕДВЫБОРНОЕ

Хотя с Европою мы схожи,
Но здесь все изменилось странно:
Здесь «дядя, писающий лежа» –
Сюжет домашнего фонтана.

Строительным проектам нашим
Есть место разве в эпикризе...
Хотите падающих башен? –
Так их полно – куда там Пизе?!

У них ломаются по триста,
У нас по литру – для начала.
У них есть негры-футболисты,
У нас – министры-каннибалы.

Они едят, что мы месили,
Они прямые – мы косые,
Они все тащат из России,
И мы все тащим из России.

Кто к нам с мечом – давно ржавеет,
Кто просто так – теряет разум.
Над нами тот же ветер веет,
Всегда попахивая газом.

Соседу «майна» – нашим «вира»,
И окривев: «за око око»,
Сквозь время нового кумира,
Пророчим нового пророка...

Застыв у нефтяного крана,
Значительные корчим рожи.
Нет, не Европа мы, но странно,
Что все же на нее похожи.

ПРИШЕСТВИЕ

В проймы детских штанишек
Продетое существо –
Будущий Рамакришна
Ван-Гог или Ивлин Во –
Идет по проспекту Мира
И топчет фрактал текстур
Средь сталинского ампира
И прочих архитектур.

В его золотые глазки
Пространства течет поток,
Он был отличить от сказки
С пеленок намокших мог,
Не манят его вершины,
Труба его не зовет.
Он хочет иметь машину,
Компьютер и самолет.

Он будет крутить планету,
Как праздничный свой волчок.
Он будет. Но вслух об этом
Покуда еще – молчок.
Законодатель вкуса,
Любитель здоровой еды...
Мальчик похож на Иисуса,
Как две капли воды...

К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Из нагрудного кармашка,
Где платочек-промокашка,
Вылез старенький паяц:
Словно чертова игрушка –
Хлоп глазами. Зубом – клац!

И вино прокисло в кружке,
Стала злобною старушка,
Та, что нежною была,
И щербатую усмешкой
Мир пугает. Ну, дела...

Ходят Ваньки, Таньки, Стешки,
Раздувают головешки,
Точат финские ножи.
Собирают войско божье
Да кричат: «Ату! Держи!»

Были морды, стали рожи,
Каинова сыпь на коже,
Ражая на сердце ложь:
«Я убью тебя, прохожий,
Али ты меня убьешь!»

Станем жить в стране хорошей,
Беспечальной, нетревожной –
Вы нам дайте только срок!
Внутривенно и подкожно
Любит нас наш добрый бог...

Вот он! Вот он – неваляшка –
Из нагрудного кармашка
Просит кровушки людской...
Красно брашно, пенно брашно -
Пей! Да сердце успокой!

ОБВИНИВШИМ МЕНЯ В РАЗЖИГАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОЗНИ ЗА ОСУЖДЕНИЕ БОМБАРДИРОВКИ ЦХИНВАЛА ГРУЗИЕЙ

"...Но пока я живу – помолчите про Господа Бога..."
Ю. Гончаров

Даром слезы растратив при тех, кто не тратится даром,
Сожалев о тех, кто не духом, а жалостью нищ,
Наконец-то и я обвинен в разжиганье пожара,
Как любой, зажигающий свечи во мгле пепелищ...

Потерявшим лицо не к лицу сожалеть об утрате,
Хоть трава не расти для того, кто заведомо прав...
Мир, живущий под бомбами лучшей из всех демократий,
До чего ж ты свободен, речист, голосист и кровав!

Мы всем этим болели – сегодня подводим итоги.
Мы несли убежденья по свету огнем и мечом...
Ваш черед, но при этом – не надо о Господе Боге.
Это – выбор для нелюдей. Люди и Бог не при чем.

Нет, свеча – не пожар. В ней горят покаянье и опыт,
В ней надежда живет, исцеленье болезней и ран...
... Вот и призрак известный покинул пределы Европы.
Жаль, не сгинул совсем – жаль, что лишь пересек океан.

ГЛЯДЯ В ЛУЖУ

В чистой луже плыли облака,
В глубине за ними было Солнце –
И глядел я странно-свысока
В горний мир сквозь мокрое оконце.

Где-то там маячили поля,
Города угадывались смутно,
Горний мир – небесная земля –
Приоткрылся ровно на минуту.

Горний люд, сновавший делово,
Кто я, догадаться мог едва ли,
И боюсь, меня не за того
В этой дальней дали принимали...

СТАРАТЕЛЬСКОЕ

В породе ищешь кристаллов друзу,
Но, в основном, находишь породу...
Исповедь не избавляет от груза,
Лишь возвращает назад к народу –
Так шар от борта минует лузу.

А ты стоишь с намеленным кием -
Сделал все правильно, но промазал –
И произносишь слова такие,
Что без стакана не вспомнить сразу –
Как женщина, гулкие и нагие...

Впрочем, концовка игры известна:
Черный закатится ниже поля,
Как будто в лузу, а все же – в бездну,
Где нет бортов, где покой и воля...
Вулкан потухший торгует пемзой,

Хотя по-прежнему пахнет серой...
У ветра осени вкус арбуза...
Забыв надежду спасемся верой,
Повыв с волками, идешь, искусан
К венцу – с какой-нибудь доброй стервой.

Потом живешь от еды к скандалу,
Под мысли вслух про стакан да воду
И тупо рубишь кайлом усталым
Все ту же горестную породу...
И уходя, не грустишь. Нимало.

ПЛОХОЙ СОН

Горе – страшная пичужка –
С каждым годом все звончей
Колокольчиком поддужным,
Тусклым звяканьем ключей,
Злым кандалным перезвоном,
Смачным сроком: «до звонка»...

... А в стаканчике вагонном
Ложечка звенит слегка.

Плохо пьется, плохо спится,
Хмарь дрожит, дрожит рука...
В сердце – темная водица
Льдинкой бьется в берега.

Горе, горе. Птичка божья.
Сгинь, сестра! – Не сгину, брат!
В голове гудит тревожно
Городской чумной набат.
Крылья плещут – воздух ищут,
Стелют сумрак пеленой...

... Так уснешь – на пепелище,
А проснешься – дом родной.

ПРОЩАНИЕ

Жене Асманову

Все ушло. Говоря – говори,
Но ответа уже не услышать,
Если хочешь – беги, догоняй
Собирай себе тени в картуз,
Будоражь телефон до зари
Мертвым воем кошачьим на крыше,
Хочешь – строем иди, хороня,
Хоронясь от обидчивых муз...

Я с тобой рассчитался, страна,
Я тебе ни минуты не должен,
Я такое тебе отдавал,
Что бесплотен остался почти.
А в ответ мне – вино да вина,
Да проклятие утренней дрожи,
Да еще ниоткуда слова -
Ну так оптом прими и прочти...

Об ушедших все больше молчим,
Ибо прошлое тонет от крена...
Ибо многое тленом взялось,
А иное – не век же, скорбя?..
До свидания, дети ничьи,
Извините, бродячие гены -
Остается бессильная злость
На себя. На себя. На себя...

Все оплачено. Строчки. Штрихи.
Удивления. Встречи. Измены.
Весь товар разложили – бери!
Только я и желать не хочу...
Не прощай меня! – что мне грехи,
Если с детства прогрызены вены?
... Чуть помедлив, постой у двери,
Я еще помолчу. Помолчу.

* * *

В сложнейшем из миров
Ищу пути простого
К началу всех начал,
Туда, за оком,
Где слово было – Бог,
Где было только Слово
И ничего потом.
И – ничего – потом.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Отпущу нечесаную бороду –
И туда, по хляби и по суше,
Где луна качается над городом,
Словно кем-то яблоко надкушено,
Где поет о счастье шансонетка
Для кабацких пьяненьких гуляк,
Где листва осенняя на ветках –
Знак чумы. Тоскливый желтый флаг.

Все там – хмарь. И в небе нету просини,
Нищета, постылые пороки,
На веревках обвисают простыни,
Конокрады, шлюхи и пророки.
Там наградой за усердье – плаха,
Но я знаю: двое в тишине,
Вздрагивая и молясь от страха,
Говорили нынче обо мне.

ничто человеческое...

***«Если бы мог я не жить с поколением пятого века!
Раньше его умереть я хотел бы иль позже
родиться. Землю теперь населяют железные
люди. Не будет им передышки ни ночью, ни днем
от труда и от горя, и от несчастий. Заботы тяжкие
боги дадут им» .***

Гесиод

РАССТАВАНИЯ

Наташе Асмановой

Расставанье похоже на плаванье в клейком желе –
По железным дорогам ползут миллиметры разлуки.
Мне конечно достаточно знать, что ты есть на Земле,
Но еще мне нужны твои волосы, губы и руки.

Если ты далеко – становлюсь я дурашлив и зол,
И обиды коплю, и последние деньги транжирю,
С кем попало сажусь выпивать за неприбранный стол,
И сшибаю углы в охладевшей и чуждой квартире.

Мне и город – не город, а так: суета и бардак,
В нем по кругу бегу, словно лошадь в пустом Колизее.
Без тебя я – дурак, а потом – еще больший дурак,
Потому, что усну, и проснусь ни на грамм не умнее.

... На исходе разлуки во мне маета суеты,
Осознание ненужности прожитых переживаний,
Ощущение вины, нежелание укоров пустых,
Впрочем – неотвратимых, как шерсть от кота на диване.

За секунду до встречи я так неуверен в себе,
Как бывает солдат, потерявший сапог перед боем.
Все разлуки похожи на рваные дыры в судьбе. –
В общем, я не люблю *никогда* расставаться с тобою.

БАЛЛАДА О СТАРИКЕ

В ночной привокзальный осенний тупик,
Считая кривые дома,
Однажды свернул седовласый старик,
Угрюмый, как старость сама.

Он шел, опираясь на крепкую трость,
Во мраке сыром и слепом,
Где холод пронзает пространство насквозь
И гостем сидит за столом.

У нужного дома помедлив слегка,
Справляясь со страхом в груди,
Старик постучался, и чья-то рука
В окне поманила: «Входи!»

Вошел. Ощутил ароматы тряпья
И тысяч перловых супов.
Во мгле коридора терялись края –
Пристанище крыс и клопов

Хозяйка (из тех, на которых гляди
Хоть век, не запомнишь лица)
Сказала: «Ну, здравствуй. Я вижу идти
Ты твердо решил до конца.

Пробил исполненью желанья час,
Прошел ожидания срок.
Осталось добавить последнюю часть
В кипящий огнем котелок. ..»

- Я знаю. Я долго решиться не смел –
Загадка была непростой:
Я должен был взять с собой все, что имел,
Придя без поклажи, пустой...

- И что же?

- Да, что же... Я продал свой дом,
Как будто собрался в побег.
Купил его кто-то со всем барахлом
И выдал мне банковский чек.

Я вышел на улицу. Молвил: «Свершись!»
И сжег этот узкий листок...
Я сжег все, что нажил за долгую жизнь,
А пепел собрал в кошелек.

Вот, ведьма! Возьми. И не медли – ответь,
Задача была ль решена?!»
Смотрел на нее он бледнее, чем смерть,
И молча кивнула она.

Присядь, – предложила, – в ногах правды нет,
Осталось всего полчаса».
Старик на скрипучий присел табурет
У двери – и ждать принялся.

О чем он мечтал, непреклонен и крут,
Что видел, уставясь во тьму,
Чем грезил, чем жил эти тридцать минут,
Известно ему одному.

Но вот и пришел ожиданью конец,
Свершив колдовские дела,
Вернулась хозяйка и темный ларец
С поклоном ему подала:

– Тут склянка прозрачная из хрусталя
В свинцовой оплетке тугой.
В ней солнце июля, и снег февраля,
И брошенных кладбищ покой.

В ней ужас птенца, что упал из гнезда,
Разбившись о камень двора,

В ней свет, что к Земле посылала звезда,
Погасшая только вчера.

И если решишься ты зелье испить,
Сомненьем напрасным не тщась,
То юность сумеешь свою возвратить...
...Но только запомни: на час!

Поднялся старик, принимая флакон,
«Спасибо» хозяйке сказал.
И вышел из дома на улицу вон,
И медленно прочь зашагал.

Без дома, без денег, без близких, без сил -
Он счастлив стал ныне и впредь:
Он юность с собою свою уносил,
И мог за нее умереть.

И город его подхватил, как река -
Вместилище тайн и чудес,
Когда он шагнул в него из тупика...
... И выпил настой
... и исчез.

Я о ней узнаю по свету окна –
У самой земли проживает она,
И если свет горит допоздна,
То значит она влюблена.

Но любовный напиток – зеленая медь,
Он льется, и пьется, и тянет хмельть,
И песенку спеть, и объятье посметь,
А похмелье похоже на смерть.

Я о ней узнаю – как только взгляну –
По темному и неживому окну,
Но то, что свет превратится во тьму,
Мы ей не поставим в вину.

Ведь любовный напиток – фиал золотой –
Да густое вино разбавляют водой.
И капельки счастья стекуч чередой,
И станут опять – пустотой.

Я о ней узнаю по дыханью гардин –
К ней в гости пришел, кто остался один,
Он по грусти в глазах, по стесненью в груди,
Угадает, что все впереди.

Что напиток любви потечет без конца,
И свет проявит черты лица,
И отступит от форточки свора теней –
И по свету узнаем о ней.

ОСАДА

Мело, мело — и побелело —
Не видно рытвин и ухабов.
Орет хорунжий оголтелый,
Что «в крепости вино и бабы»,

А мы стоим вокруг в осаде,
Который год назад — ни шагу.
Резервы слева, кухни сзади,
На поясах тупые шпаги.

Нас не поднять на подвиг страстью,
Поскольку бабы постарели,
Вино прокисло, а припасы
Еще едят, но в целом — съели.

И ладно б если ком суглинка,
А могут пушкой стрельнуть метко —
Конечно, были б там блондинки...
Но там — шатенки и брюнетки.

Не стоят даже мелкой ранки,
Кокетки, дряни и пижонки —
Все поголовно — лесбиянки,
И мужики у них — подонки.

Нет, нам не брать сию твердыню,
Не прибивать щитов к воротам,
Мы в отвратительном унынье,
От той твердыни нос воротим.

И иногда в порыве бреда,
Все молимся, вздымая руки,
Чтоб эта крепость напоследок,
Нам все же не сдалась от скуки.

ЦЫГАНКЕ

Мне в глаза поглядела цыганка,
Попрошайка, воровка, засранка,
Но глаза у нее – с поволокой,
И зовут и уведят далеко.

Все обман в этом искристом взгляде –
Разве можно довериться б...и ?
Ей бы только гадать, побираться,
А глядишь... и нельзя оторваться.

Околдует, княгиня обмана,
Оберет и обчистит карманы,
После этой прелестной злодейки
Не останется мне ни копейки.

Даже меди не будет. И ладно.
Не такая уж страшная плата –
За красивую ложь, как из книжки,
Я и больше бы отдал, мальчишки.

ПОЛУСТАНОК

Вагон потряхнет, и спозаранок,
Еще во сне, почти на дне,
Увидишь дымный полустанок
В купейном розовом окне.
Сосед похмельный станет слева
Тереть помятое лицо,
Но выйдет утренняя дева
Нагой на теплое крыльцо.

Как продолжение сновиденья,
Чужда порока и стыда,
Одно вселенское мгновенье
Она чиста и молода.
Ее изгибов тусклым блеском
Второе солнце польхнет —
И поезд сядет к занавескам,
И чуть отдернет... и замрет.

И каждый, кто на что-то годен,
Себя представит рядом с ней,
Вернувшись назад к Природе,
Честней, сильнее и добрей.
И каждый делается чистым —
В измене глаза нет вины,
но в этот миг наш поезд свистнет
Охальным свистом Сатаны.

И тронет медленно и тяжело
К туманам дальних рек и стран...
Сосед вздохнет. Потом рубашкой
Протрет единственный стакан.
Заначкой теплою забрезжит,
Плеснет от сердца — до краев.
Я молча выпью. Он поддержит.
Без слов, но точно — за нее.

* * *

Любовь, случившись в воскресенье,
К среде иссякла — это скверно.
Зато прекрасен день весенний
Текучей пластикой модерна,

Звучащей графикой Бердслея,
Застывшей в парковых оградах...
А что она? Да Бог же с нею.
Она не любит — и не надо.

Она блестит в шкатулках комнат
Стеклярусным, истертым детством
И страсти прожитой не помнит,
И все мечтает опереться

О теплое плечо мужское,
Пристрастное к ее порокам...
И хочет одного — покоя.
И обожания немного.

Но рвутся встречи ниткой бусин,
Гремят по пыльному паркету,
И в город катятся, что грустен
Всем тем, чего в нем больше нету.

В тот переулок, что прелестен
Пролившимися в нем дождями,
Словами незвучавших песен
И неслучившимся меж нами.

НУДИСТСКИЙ ПЛЯЖ

Я в отпуске... Радость ребенка,
Скабрзная нить эпатажа,
И мне улыбаются тонко
Курортницы с голого пляжа,

Рязанские полные перси,
Грузинские спелые бюсты
Над синей водою развесив,
Как в консерватории – люстры.

И выглядят, в общем, уместно,
Старушки в такой обстановке,
Как плюшки из сдобного теста
На противне в жаркой духовке.

Гляжу осторожно, несмело,
Сквозь донышко – цвет изумруден!
На рядом лежащее тело,
И мимо дрожащие груди.

Желаю впитать торопливо,
Зеленые круглые грезы,
И льется забытое пиво,
На гальку, как теплые слезы.

Мне жаль, что истомой и негой
Весь мир охватить - не удастся,
Что заперт я в теле навеки,
Как воздух в пространстве матраца...

Но белой московской зимою,
В тоскливое утро без света
Я горькое сердце умою
Зеленую памятью лета.

БАЗАР В АДЛЕРЕ

Пахнет жаркий базар базиликом и тмином,
Пахнет грецким орехом, и перцем, и морем,
Он гортанно кричит молодым армянином,
И любезным таджиком вздыхает и вторит.

Приходи на базар – там забудется горе,
Одиночество скрасится золотом дынным,
Там торговцы в тебя влюблены априори
И готовы в цене уступить половину.

Приходи на базар по возможности рано,
Даже если с утра ты угрюм и нестоек,
Здесь тебя угостят леденящим айраном
И прогонят похмелье домашних настоек.

Уходи, не жалея потраченных денег
И морского прибоя упущенной неги,
Ты с собой увезешь эвкалиптовый веник,
В города, где не пахнут ни листья, ни деньги.

В города, где тебе по привычке не рады,
Где дождями умыты дороги – для выюги,
Банку меда и желтую кисть винограда
Привезешь талисманами летнего юга.

Здесь не серый асфальт, а песок под ногою,
Здесь наполнены жаром и звуки, и лица...
Здесь ты гость, а уедешь и станешь – изгоем.
Загорелым изгоем в белесой столице.

СОНЕТ САЛЬЕРИ

---

*Григорию Эпштейну в ответ на его
стихотворение «Мой Сальери»,
посвященное автору*

В своей неровной творческой карьере
Я от высот излишних ускользал,
И алгеброй гармонию разъял,
Примером лъстясь великого Сальери.

Моей музыке внимлет каждый зал,
А женщины тем паче, в полной мере,
И я бы горя, в общем-то, не знал,
Когда б не толпы моцартов у двери.

Вот новый входит, говорит «Шалом!»
Ну был бы он один – куда ни шло,
Я «Реквием» послушаю, присяду,

и отравлю. Но вновь передо мной
Внебрачный сын Гармонии одной...
А вслед еще... Хватило б только яду!

ЭМБЛЕМАТА

«И посмотрел Иисус на Закхея и спросил его: «Как ты, который не знает, что такое альфа, можешь учить других, что такое бета. Лицемер! Сначала, если знаешь, научи, что такое альфа, и тогда мы поверим тебе о бете.»

[Евангелие Детства (апокр.) от Фомы. 6.11]

ДЕСЯТЬ ТИПОВ ЛЮБВИ

1. LUDUS (Любовь-игра)

Как же звали ее? Вроде, Ирка, а может и Светка?..
Я рассказывал ей леденящие душу истории,
Я ее целовал за трубою на лестничной клетке,
Провожая домой из училища консерватории.

Расставались легко, осознав: продолженья не надо.
И в награду за это немислимое целомудрие,
Пахли губы ее молоком, и еще – шоколадом,
Пахли щеки ее дефицитной болгарскою пудрою.

Для нее я учился когда-то играть на гитаре,
Три дворовых аккорда, трудясь, украшал переборами,
И читал Гумилева ей по вечерам на бульваре,
Под чужими веселыми и любопытными взорами.

Были детское счастье и детская сладкая мука,
И звонки вечерами, и новое чувство тревожное...
А потом, как положено, мы разлюбили друг-друга,
Потому что еще не умели любить как положено.

Я давно уж не тот бесшабашный и влюбчивый парень,
Впору внуков смешить, докучая пустыми советами,
Только девушке этой остался навек благодарен,
Хоть не помню, как звали...Ириной?

нет, все-таки Светою.

2. MANIA (Любовь-одержимость)

С годами все тоньше желание жить,
Все легче справляться с бедою,
И хочется в старые мехи налить
Густое вино молодое.

Сорвать ароматную розу с куста,
Поймать стрекозу золотую,
Сыграть виртуозно сонату с листа,
Как песню пастушью простую.

И хочется ночи, и хочется слез,
Озноба и жарких объятий,
И пахнущих югом песчаных волос,
И шороха летнего платья.

Как в бурную реку, где нету моста,
Войти, чтобы слиться с пейзажем...
А то, что на дне у нее пустота –
Не важно, не важно, не важно...

И то, что не выплыть, и не переплыть,
Не справиться с бурным теченьем,
И то, что, наверное, поздно любить –
Уже не имеет значенья...

3. EROS (Любовь-страсть)

---

*«Мы увидим искаженные
Наши лица в наших снах»
К. Бальмонт*

Смеркалось рано. Законные
Пропали фонари, дома.
На голый мир взглянула тьма
Зрачками Ангела бездонными.

И тусклой клавиши касанием
Лизнула пальцы тишина,
И ночь явилась *осязанием*
Всех очертаний лишена.

Как черный ветер –
        призрак осени,
Несущий холод... и тепло,
Пространство влажное легло
Ко мне на шелковые простыни.

Пространство страсти и влечения,
Как чисел восходящий ряд,
Где незначительны значения,
Но неизбежен результат.

Где каждой цифре – место найдено,
Прогрессий шаг определен,
Как отношение сторон –
Гипотенузы к тяжким катетам.

И выше нет владенья истиной –
Войти в пространство до конца,
Не различив ни форм изысканных,
Ни черт прекрасного лица.

4. STORGE (Любовь-дружба)

В золотистом лесу
Солнце штопает воздух заплатами,
Над землей тишина,
Запах листьев и ласковый мох.
Здесь подносят к лицу
Родниковые капли каратами,
По пространству бредут,
Сторонясь проторенных дорог.

Здесь мне дорого все –
Все приметы нетронутой местности,
На усмешки знакомых
Привычно руками машу...
Я люблю этот лес,
Я взамен его бесполезности,
Я сюда просто так,
Отдохнуть, погулять прихожу.

Скоро грянет зима,
Затрудняя прогулки сугробами,
Скоро мертвая стужа
Приблизит и стянет края...
Но под снегом, лежащим
Над непроходимыми тропами,
Сохраняет тепло
Незабытая осень моя.

5. HAIS (Любовь-признательность и уважение)

Наскучила бездарная чернуха,
Поговорим о лучшем и о главном:
Прабабушка Людмила Николавна
Была великолепная старуха.

Она ходила в плюшевом салопе
И в бисером расшитой тюбетейке.
Мы с ней в саду сидели на скамейке
И чинно рассуждали о Европе.

Мне было пять. Ей было девяносто.
Она мне говорила о Париже.
В ее рассказах он казался ближе,
Чем гастроном на ближнем перекрестке.

И оба мы, задумавшись, хотели
Отправиться туда, доев конфету...
С тех пор, когда во Францию я еду,
Все ощущаю привкус карамели.

И все хочу назад, в тот садик милый,
Где чай из самовара с медным боком,
Где мы пасьянс «Аскольдова могила»
С прабабушкой раскладываем долго.

6. ANALITA (Любовь-логика, требовательная к нормам)

Ах, как я попал. В золоченую клетку попал.
И сам позолочен, а впрочем, и этого мало.
К несчастью она разглядела во мне Идеал
И долго потом приближала меня к Идеалу.

Я сопротивлялся. Я, видимо, был не готов
К потугам скульптурным и бодрым шагам перестройки.
Я сердцем вдыхал по примеру дворовых котов
Колбасно-консервный тревожащий запах помойки.

Ей вечно претил по утрам огуречный рассол
И вид мой истрепанный в гладком и чопорном мире...
Когда я уйду, эта женщина вымоет пол
И воздух проветрит от едкого дыма в квартире.

Я не получился. Не вышел. Не смог и не стал.
Насмарку пошла ювелирной шлифовки работа...
Она выбирает сегодня другой идеал,
А я потихоньку стираю с себя позолоту.

7. PRAGMA (Любовь-расчет, польза, целесообразность)

После тревог ощущение рядом кого-то
Необходимо: дышало бы только и двигалось.
Падаешь в чувство, как тяжкий булыжник в болото,
Вертишься в нем, словно в танце старательный жиголо.

Старая сказка. Дурная боязнь одиночества.
Недорогое общение. Ласки по порциям.
Взгляды по таксе, и прочее – все, что захочется.
А за отдельную плату – любые эмоции.

Жизнь – магазин. Отношенья обложены ватой.
Не поцарапаешь, и ни к чему искушения.
Но на ладонях порой проступают стигматами
Чувства иные – божественных мук отражения.

Впрочем, проходят. Погоня за парными зайцами
Безрезультатна. И с этим смириться придется.
Я бы купил – только искренность не покупается.
Ты продала бы – да искренность не продается.

8. VICTORIA (Любовь-победа. Физическое превосходство)

Ты такая святая, такая хорошая,
Недотрога... но что же случилось с тобою?
Ты лежишь предо мною, измята и брошена,
Как деревня – мишень скоротечного боя.

Вот обрушены стены, стоявшие исстари,
Обнажив непристойности долгого быта,
Вот летает бельишко меж черными избами,
И природа бессильная гарью покрыта.

Вот показано все, чего прежде не видели
Ни свои, ни чужие – ни наши, ни ваши...
И на стыд равнодушно глядят победители,
Утоляя усталость холодной кашей.

Что в походе полку до случайной трагедии? –
Им сейчас выступить – ни поспать, ни пограбить,
Не пройти за околицей – ручкою кренделем –
Со смешливой и глупой сговорчивой бабой.

Им совсем недосуг, потому и разорваны
Крепдешины в цветочках у местных красоток,
Потому и растрепаны волосы сорные,
И от черного плача дрожит подбородок...

... До свиданья! Труба. Или трели мобильника?
Я пошел, только выпью на кухне рассола...
И оставлю открытою дверь холодильника,
И оставлю тебя для забот невеселых...

Для прищура циничного новым проказникам,
Для фистулы интимной ночной окарины...
От побед не бывает ни славы, ни праздника.
От побед остаются кресты ... и руины.

9. PHILIA (Любовь-склонность. Интуиция)

*«Наверное нет изощреннее казни,
И пытки безумнее нам не завещано,
Чем это бесплотное чувство приязни
К прекрасной, свободной, стремительной женщине...»*

На столе и коньяк, и закуски немеряно,
И блестят хрустали с серебром пополам,
И уже наливается в рюмки уверенно
Под зачинные речи по семьдесят грамм.

Я шарахну подряд пару стопок, раз начали,
«За родителей» – повод всегда в голове...
И покуда еще не дошло до горячего,
Закушу оливье... и еще оливье.

А когда залоснится вокруг, закраснеется,
И когда разговор потечет по кривой,
Я пойду покурить потихоньку на лестницу,
И кому-то кивну: «если хочешь – за мной».

В полутемном подъезде, скрипящем фрамугою,
Там, где банка бликует, бычками полна,
Я почувствую, что повстречался с подругою,
«С фронтовою, скажи» – улыбнется она.

Может быть. Я хрустальными ранен осколками,
И в крахмальных редутах душой очерствел,
Но случайно тебя отыскал между столькими...
Как живую на поле меж тысячи тел.

И пускай мы по разным дорогам скитаемся,
Не боясь кривотолков, козлов и кликуш,
Посмотри: два дымка сигаретных сплетаются,
Эфемерной символикой тождества душ.

10. AGAPE (Бескорыстная и жертвенная эротичная любовь)

Когда бы мир был просто сундуком,
Куда Творец сложил свои игрушки,
Когда бы Ты, мой друг, была дурнушкой,
Уж я б с Господним справился замком.

И звездный блеск, и тьму полночной туши,
И золото волны под маяком,
И свежесть бриза над осенней сушей –
Я взял бы и Тебе принес тайком.

Поверь, поэты над Природой властны,
И Ты, под заклинанием стиха,
Такой, как нынче, стала бы прекрасной,
До черточки, до блика, до штриха.

Но мне не нужно нарушать Закон.
Ты – та, что есть. И я в Тебя влюблен.

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

СЛАДОСТРАСТИЕ (1)

Милovidны овалы, текучи изгибы лекала,
По которым кроились кромешные эти тела...
Страсть уходит грозою, что ночь напролет громыхала,
А под утро капелью с тяжелой листвы истекла.

Утром скомканы позы, и фразы изломаны странно.
Океанский отлив. Охлаждение. Позднее "зря"...
Лишь неяркие блики в бесцветных глазах окаянных
Оставляет на память о пламени ночи заря.

Мечем зерна, не глядя на борозду Божьего плуга,
И выпалывать всходы зовем равнодушных врачей.
Мы увидимся вновь, но едва ли узнаем друг-друга,
Мы не помним имен, но и это – в порядке вещей.

Уходи, унося углубления, линии, жесты,
Стань кому-то невестой, кому-то потом и женой...
Но останется пеплом дотла прогоревшее место
Где-то в сердце – от ночи, давно проведенной, со мной.

ГНЕВ (2)

Мы вызвали ее, не зная сами
Заклятий силу лжи и клеветы,
Богиня Гнева белыми глазами
Глядит на нас из древней темноты.

Она грядет. Она пророчит муки,
Спешит, как будто может не успеть,
И рядом с нею - вечные подруги:
Безумие, Безверие и Смерть.

И кажется, что больше нет на свете
Ни милости, ни храмов, ни творцов,
Что даже новорожденные дети
Повинны плахе за грехи отцов.

Во имя Гнева мы запорем старцев
И отдадим на поруганье дев,
Как просто быть безумцем, и казаться
Пророком, если в мире правит Гнев.

Тот будет долго у нее в фаворе,
Кто меч воздев, навек отринет щит,
Не дрогнув, мать повесит на заборе
И Родину на части расточит.

...Она нам лжет - и помыслом, и словом,
Она клеветает - вот ее клинок.
Но верим мы, и ей подвластны снова,
И тот лишь благ, кто отрешиться смог.

ГОРДЫНЯ (3)

От «мовы» майданной, от речи площадной
Нищает и портится слух.
Основы тончают, устои трещат и
Наш светоч поблек и потух.

И ходим мы, в серые сукна одеты,
По сорному миру кружа,
По белому свету – по черному свету,
И рай наш в размер шалаша.

Но как же гордимся мы маленьким раем
И волглым своим бытиём,
И острые камни в запас собираем,
И горькие гимны поем.

И Вестника, если в сиянии грозном
Он спустится к нам на порог,
Мы холодно встретим и холодно спросим
За все, что не додал нам Бог.

Не трогай нас Песнью благой и великой,
Лети себе в небо скорей.
Нам дороги ближние, смертные лики
Земных, а не горних царей.

Устав от попыток и реинкарнаций,
Остывший мы пестуем пыл...

...Трубите, трубите – зачем подыматься
Из наших уютных могил?

АЛЧНОСТЬ (4)

Читать стихи осипшей глоткой,
Одoleвая напролом
Пространство, суженное водкой
До глаз соседа за столом.

А то – застыть соринкой в дружe
Высоких, солнечных окон,
Покуда булькает в джакузи
Из жаркой женщины бульон.

А то – побыть кастильским мачо,
Возглавить Красноярский край,
А то еще – пристроить к даче
Собачью будку и сарай.

Еще – чтоб уважали дети!
Еще – чтоб жить за сотню лет.
Еще – чтоб рейтинг в Интернете,
И чтоб бесплатный Интернет.

Еще – постой! – еще не хватит:
Двойную дозу сквозь иглу...
И все. И сто рублей к зарплате
За счет убогой на углу.

ЧРЕВОУГОДИЕ (5)

Изыскан пир. Приносят перемены –
Из дальних стран бодрящее вино –
Как оттеняет терпкостью оно
Сыры, пикантно тронутые тленом!

А следом – рыба. Белое «Шабли» –
Ему душа, как передышке, рада...
Лежат улитки в листьях винограда,
Осетр, словно крейсер на мели,

застыл, пропитан сочным «бешамелем»,
В паштете птичьим запахом трюфелей...
Плоды деревьев, кустарников, полей,
Копченые миноги и форели...

...Уже за полночь. Подуставка слегка,
Хозяева зовут в библиотеку,
И там беседа, превращаясь в реку,
Течет среди сигар и коньяка.

Затронут Кант, и Бахман, и Светоний,
смешной Катулл, дотошный Геродот.
Вот к музыке изящный поворот,
И кто-то из гостей на саксофоне

играет под сурдинку сложный блюз,
Поет хозяйка арию Розины,
Трещат полешки в глубине камина,
И сытая лежит на сердце грусть.

День за день. Вечера за вечерами.
Все уже смокинг, все тесней корсет,
И кажется – Страны и Бога нет.
И кажется, что только Тьма за нами.

ЛЕНЬ (6)

Обросло ракушками дно,
  и застыл корвет.
Кренговать бы, да все равно –
  и желанья нет
Отдавать швартовы в порту,
  да свистать наверх...
Видно выбрал судьбу не ту,
  так уже навек.

Я и песен-то не пишу
  не звеню струной,
И в глаза уже не гляжу,
  хоть зову женой.
Надо выйти и бросить ключ,
  и опять с сумой...
Только что-то погас мой луч –
  путеводный мой.

Так и будет висеть камзол
  да ржаветь – мушкет.
Так и стану хлебать рассол
  и встречать рассвет,
Глядя в мутный проем окна
  на дождливый день...
Эх, подняться б, послать бы на...,
  но и это – лень.

ЗАВИСТЬ (7)

Женись удачно, напиши роман,
Обзаведись квартирой или дачей,
Стань грозным предводителем команчей,
Найди в руинах древний талисман,

Взойди к вершине, выиграй на скачках,
В бою воздушном примени таран,
Закончи триумфально то, что начал,
Открой друзьям наполненный карман,

Мир обойди, измерь его ногами,
Создай в реторте философский камень –

Любой из этих доблестных шагов,
Что явлен для других подобьем чуда,
Ведет с собою радости – минуты –
И армию пожизненных врагов.

БЕЗДНА

Ты таишься под волною,
И в ущельях гор седых,
Горизонт чреват тобою,
Млечный Шлях – твои следы,
Ты хранишь во тьме кромешной
Аргументы падших душ,
Твой хозяин – Ангел грешный,
Скорбный дольний Скарамуш.

Ты – ночного перепутья
Череп черный, прах ничей...
Ты – дыханье мертвой ртути
Наших медленных речей.
Ты – душа продажной девы,
Переулка гулкий мрак,
Яд в бокале королевы,
Спящий северный барак.

Ты – безмолвная обида,
В кислом сердце – червячок,
Ты – убитого шахида
Хладно гаснувший зрачок,
Ты всегда таишься рядом,
Змейкой в черепе коня...
Ты живешь добротным адом
Где-то в прошлом у меня.

УПРАЖНЕНИЕ НА ТЕМУ ДОЖДЯ

Ты просишь дождь? Ну что же, – дождь.
Возьми любой... Возьми осенний,
Бормочущий о Воскресеньях
Сырую пасторскую ложь.

Как будто, сгорбившись, влачат
Куда-то в белые сугробы
Деревья – небо.

Кисти гроба
Терпя уныло на плечах.

И понимаешь, глядя вверх,
Что мир исконно перевернут,
И холодна в морщинах мертвых
Цвета утратившая твердь.

И даже дождь – наоборот,
И лишь затем он небу нужен,
Чтоб донести к нему от лужи
Мой поцелуй во влажный рот.

А впрочем, глупости. Прости.
Все это бред. Некрофилия.
И только толику земли я
прохладную зажму в горсти.

Чтоб горней слякоти слепой
Ее швырнуть последней вирой,
Сказав вослед: «Покойся с миром,
Как мир покоился с тобой».

УПРАЖНЕНИЕ НА ТЕМУ ОСЕНИ

Осенние вытканы мраки
Мерцающим шелком дождя,
Понурые бродят собаки,
Хозяев промокших веда.

Прибавилось в женщинах злости –
Глаза их как бледный агат...
А друг, заезжающий в гости,
Невесел, небрит, небогат.

Рассказ его долгий несносен
И сводит сюжетом с ума –
Ведь так предсказуема осень
И так неизбежна зима,

Где жить, разделяясь снегами,
Буранами, вьюгами, льдом...
Но всю эту стужу мы сами –
Мы сами себе создаем.

Колдуем, дымя сигаретой,
Над горьким вином ворожим
И верно сживаем со света
Все то, чем в себе дорожим...

И прошлое – пошло и мутно,
Как бедной России поля.
И завтра – холодное утро
И долгое «ниже нуля».

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ ИЗ ХРАМА МЕРТВЫХ

Чуть охлаждает жаркий песок
Темная тень колонны.
Здесь говорил о будущем бог,
Глядя на фараона.

Сложены стены из тяжких плит,
Вход стерегут картуши.
Бог тут поныне еще говорит,
Только некому слушать.

Видно, ничто не вечно в песках,
Кроме песка и пыли,
Тленное – всё обратилось в прах,
Сказанное – забыли.

Живы лишь фрески назло жару
В каменных мавзолеях...
Значит художник сильнее царей,
Да и богов сильнее.

Он рисовал – была и страна,
Нет – только дым клубится.
Он возвращает для нас имена
И оживляет лица.

Власти его позавидует трон,
Он же трону – нимало.
Если чего-то коснулся он,
Это бессмертным стало.

*«Черный колодец двора, слабо освещенный
желтыми прямоугольниками окон, был под ним и
над ним, а где-то далеко наверху, в совсем уже
потемневшем небе горела Вега. Совершенно
невозможно было покинуть все это снова, и
совершенно – еще более! – невозможно было
остаться среди всего этого. Теперь. После
всего.»*

Аркадий и Борис Стругацкие «Град Обреченный»

ОЩУЩЕНИЕ СТАРОСТИ

Упади на диван, с головою укройся в углу,
К нецелованным венам тяни золотую иглу,
Иль до рези в глазах осмотрев потолочный накат,
Мыло, крюк и веревку в нехитрый сведи агрегат...

Это будет привычный, прямой, недешёвый ответ
На бездушие близких и чей-нибудь плёвый навет,
На шуршанье в твоём коридоре болоньи плаща
И шаги уходящей... куда-нибудь... счастья ища.

От усталости стало темно и не станет светлей,
А застонешь – нальют. Не нальют, так пристанут: «налей!»
Словно к луке седла, второпях пристегнут к суете...
(Нет, не следует новых друзей заводить в темноте).

Лучше сам подымись, и в пространстве из длин и ширин
За оградой храма сыщи подходящий аршин,
Для сосуда, в который как пепел своих сигарет
Отряхнет тебя белый, искристый и радостный Свет.

* * *

Вечерами, когда я не чувствую ног
И ложусь на диван, обессилен,
Тихо шмыгает памяти нежный зверек
По изгибам усталых извилин.

Хаотичен его нескончаемый бег,
А движения сказочно-ловки,
Я слежу за ним из-под опущенных век
И мучительно жду остановки.

Но бежит он, то вскачь, то едва семеня,
Словно ищет неведомой точки,
Выгрызая из ткани ушедшего дня
Про запас лоскуты и кусочки...

Он бежит, он никак не устанет бежать,
Тащит, тащит – и все ему мало...
Ах, как в старости будет уютно лежать
Под лоскутным его одеялом.

ОТРАВЛЕННАЯ

Кристаллов желтых россыпь на столе
Едва бликует – тускло и летально,
Лежит бокал, бессмысленно хрустальный,
Храня вишневый запах «божол».

От сумеречной взвеси законной
Портьера ограждает антураж,
И смерть глядит сквозь матовый мираж
Открытого античного флакона.

Здесь, в пустоте опасной и недоброй,
От вазы тень недвижна на стене,
И кажется, застыла в тишине,
Подняв клубок, классическая кобра.

А рядом тело... скомкано и смято,
Белеет, словно сброшенный хитон,
И одолев бесстрашие времен,
Над ним роняет слезы Клеопатра...

Мистерия... До утреннего света...
До суеты, до криков, до звонков...
Но вижу я, как в глубине веков,
Лежит змея лучами Ра согрета.

И тусклый яд в кристаллах на столе
Поблескивает кожей змеиной,
И слышен звук... негромкий, страшный, длинный, –
Холодный шорох в уходящей мгле.

ГОРОДСКОЕ

Город холодов, лабазов, сараев,
Скованный железом тяжелой зари...
Инеем на стенах домов проступает
Белое дыхание живущих внутри.

Лопаются липкие сны пузырями,
Пшеничная эпоха кипит на огне,
Гарью пролетает над пустыми дворами
Черное дыхание живущих вовне.

Здравствуй, молодое, незнакомое племя,
Брошенные чада, приютская състь,
Острые повадки, казенные клейма,
Право не бояться, не знать, не просить...

Ангел с геликоном на облаке блеклом,
Ждущий от Всевышнего сигнала на звук,
Видит набухающую мощным потоком
Праведную ненависть живущих вокруг.

Скомканные патлы, багровые склеры,
Шепоты тревожные о страшном своем...
... Ангел, не труби для не имеющих веры –
Дай нам передумать. Авось наживем.

Посвистом разбойным рассыплем строенья,
Высушим ветрами и кровь, и слезу...
И сольемся общею тощею тенью –
Все, кто копошится и дышит внизу...

... Город засыпает. Опять засыпает!
Мерзкая действительность, как ругань, груба.
...Приоткрыты двери пустынного рая,
Ангельским дыханием согрета труба.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПЕС

Городок – там пока не дома, а бараки,
И встречает приезжего у магазина
Свежий запах холодной и мокрой собаки
В просторечье людском именуемый псиной.

А носитель амбре – невозможной породы,
Незлоблив, некусач и в манерах приятен -
Он по местной собачьей причудливой моде
Авангардно украшен коллекцией пятен.

Принимает подачки солидно и с толком,
Деликатно глотает, глядит на дорогу,
Жаль, что в этом далеком от мира поселке
Он наверно не станет моделью Ван Гогу.

С ним шутила природа, но ценные гены
Пропадают напрасно, а что вы хотите?
В этой тьмутаракани не сыщешь Гогена –
Все гогены живут на далеком Гаити.

Только старенький сторож колхозных лабазов,
Что ночами с берданкою бродит бессонно,
Нежно гладит да балует шкуркой колбасной,
И, в усы улыбаясь, зовет Аполлоном.

ТАТЬЯНЕ ДЕМЬЯНОВОЙ

Украшала лалами ризы на иконах,
 Всенощны стояла – знала: быть греху.
«Матушка, матушка, чьи во поле кони?!»
 Ах, зачем я перед свадьбой пела жениху.

Знала, что не ровня – все равно любила,
 Песней целовала, танцами звала –
«Матушка, матушка, что во поле пыльно?!»
 Мчатся кони, и в церквах звонят колокола.

Больше не приедет в табор на Грузинах,
 И звучит в гитаре не заздравный тон...
«Матушка, матушка, что ж сердечко стынет?!»
 Неужель со мной навеки попрощался он?

Матушка, матушка, холодеют руки.
 Матушка, матушка, где-то вдалеке –
 Во далеком городе, во Санкт-Петербурге
 Тяжко ранен друг любезный на черной реке.

Матушка, матушка, а душа все стонет,
 Матушка, матушка, не сдержать слезу!
«Матушка, матушка, чьи во поле кони?!»
 Александр свет Сергеича на погост везут...

НА ИНОМ БЕРЕГУ

Так давно это было, что ложью уже не назвать.
 М. Хамзина

Так давно это было, что стало – ни миф, и ни ложь,
 Только память-обманка, подобье тяжелого сна.
 Не пришедшая ты никогда никуда не придешь,
 Что же снится зимою стучащая в окна весна?

Директории встреч беспросветно, навечно пусты,
 Но зачем-то наполнены болями файлы разлук...
 Эй, не чиркай,! Пстой!.. Ты опять поджигает мосты?
 С берегов не дотянем друг к другу ни взглядов, ни рук.

Кто-нибудь после нас нарисует в едином мазке,
 Симпатичную близость – несбывшимся радостям щит...
 Впрочем, это как слово, которого нет в языке -
 Произносишь его, а оно не звучит... не звучит.

Помолчим, посидим, поглядим на пространство воды,
 В тихом омуте черти застонут от небыли той...
 Ты мне тоже приснилась – а может быть это не ты?
 Слишком быстро черты уносились текущей водой...

СКРИПАЧ*Музыка Григория Эпштейна **

От младости до зрелости
 И далее до старости,
 Играй да мучай скрипочка –
 Сориночка в глазу.
 Вам, господа, для радости,
 А мне для малой малости –
 Для медной круглой денежки
 В начищенном тазу.

Звенит, звенит кругляш-медяк,
 Богач бросает и бедняк,
 А вечером в кантине
 Топлю я грусть в вине,
 И выпью и заплачу:
 Пошли, Господь, удачу
 Не мне, не мне, но музыке –
 Живой моей струне.

На тризнах и на праздниках
 Мальчишки-безобразники
 То дразнятся, то дёргают,
 Подкравшись, за камзол,
 А я - каданс, ещё каданс,
 Я так сейчас далёк от вас,
 Я упиваюсь музыкой –
 Красивейшим из зол.

Звенит, звенит кругляш-медяк,
 Богач бросает и бедняк,
 А вечером в кантине
 Топлю я грусть в вине,

И выпью и заплачу:
 Пошли, Господь, удачу
 Не мне, не мне, но музыке –
 Живой моей струне.

Всё пуще дрожь моих колен,
 Всё холоднее влага вен,
 Всё чаще провожаю я
 Других в последний путь.
 Не знаю, есть ли Царь Небес,
 Не знаю, кто там в небе есть,
 Но в свой черёд придя туда
 Скажу кому-нибудь,

Что пусть я малый был сверчок,
 Но я ценил один смычок
 И стройность нотных линий,
 Другой не знал вины,
 А после я заплачу
 И вымолю удачу
 Не для себя – для музыки –
 Живой моей струны.

---

* Вообще говоря, это стихотворение не попадало ни в какие сборники, и, практически, никогда мной не исполнялось. Оно написано в 1987 году, а примерно через год я про него забыл. Включаю в книжку только по той причине, что благодаря Григорию Эпштейну, этот текст сохранился и стал песней – а песня обрела вполне самостоятельную жизнь.

ПОГОВОРИМ

Поговорим – от делать нечего,
 На дом соседний глядя клетчатый,
 О бывшей девушке застенчивой
 И бывшем юноше изменчивом.

Потом о женщине внушительной
 И о мужчине обаятельном –
 Поговорим, как небожители, –
 Беспечно и доброжелательно.

Еще – о бабушке заботливой,
 Еще – о дедушке болезненном...
 И будет солнышко субботнее
 На вены неба падать лезвием.

Потом настанет ночь условная,
 И жизнь прозвякает копеечно,
 И проредит луна бескровная
 Две бледных тени на скамеечке.

И две судьбы с одною трещиной,
 И пару мизеров – неловленных,
 И то, что было не-обещано,
 А значит было не-исполнено...

И голоса сольются с листьями,
 И тени выцветут, как лишние...
 Как будто в этом мире истинном,
 Давно когда-то и не жившие...

... поговорим.

На чужие тротуары
 В одиночку и попарно
 Уезжаем от бездарных
 И приевшихся хлопот...
 До свиданья, мост Кузнецкий,
 До свиданья, М. Жванецкий,
 Здравствуй, сумрачный немецкий
 Отутюженный народ!

Может быть, еще невольно
 В дебрях Мюнхена и Кёльна
 Нам однажды станет больно
 И захочется кваску...
 Что же – значит, торопливо
 Выпьем шнапсу или пива
 (безопасного разлива)
 И развеем грусть-тоску.

Нам залечат наши раны
 Экзотические страны,
 Бодрым бытом чемоданным
 Мы наполним отпуска.
 Будет небо голубое,
 И приятный шум прибора,
 И забвение слепое
 Среди моря и песка.

... А в Москве опять недужно,
 И опять повсюду лужи,
 И печалью нагружен
 Колокольный перезвон...
 На Тверской машины воют,
 И сердечко чье-то ноет
 От того, что наш с тобою
 Изменился телефон.

ГОРОДА. 1. КРЕПОСТЬ В АШДОДЕ

Ашдодская волна прозрачна и легка,
 Как память о страстях, которые остыли,
 Здесь холодно шелка белесого песка
 И сумрачны руины крепостные.

Над этою землей нахмурился Господь
 И сильных ниспроверг, поставив на колени.
 Здесь камни напролом одолевала плоть,
 И ярость покоряла укрепленья.

Вражда былых племен в прорехи стен глядит,
 И слух с опаской ждет стрелы летящей свиста,
 И все еще темны торговые пути,
 И золото от крови маслянисто.

И жар на рубежах – все та ж война идет,
 И лучшей доли люд все так же в распре ищет,
 Но посреди лежит разрушенный Ашдод,
 Как уголь, остывающий в кострище.

ГОРОДА. 2. НА МЕРТВОМ МОРЕ

Друзьям-литераторам в Израиле

Среди исчезнувших Гоморр
 И соли переливов млечных,
 Где девушки ласкают взор
 Изыском форм недолговечных,

Где от целебной грязи черн,
 Старик заботится о коже,
 Где ни один случайный челн
 Волны тяжелой не тревожит -

Средь этих выпренных красот
 Разнежен солнечною ванной,
 Вбирая горьких волн рассол,
 И я сидел старевшим фавном.

И слава, притаясь у ног,
 Готовилась писать анналы,
 Поскольку лавровый венок
 От шляпы тень напоминала...

Но прах от праха – прах и есмь:
 Подобьем зыбкого дурмана
 Мою развеивали спесь
 Беркович, Складнев и Колганов.

Талантливое трио их
 Вело с небес меня на землю...
 ...Ну ладно. Подарю им стих -
 Имеющий же слух, да внемлет!

ГОРОДА. 3. ДОРОГА СОДОМА

Михаилу Берковичу

... А где еще думать о жизни, о Боге,
Скрижали Завета душою любя?...
На жестких изгибах содомской дороги
Точней и острей пониманье Тебя,

Господь, ненадолго отправивший Сына
За солнечным нимбом вокруг головы
Под быстрое серое небо хамсина
К удушливым запахам жухлой травы.

Здесь, глядя на желтые камни нагие,
Вдруг видишь Истории узкую дверь
В пространстве, тотально больном ностальгией
И раненном памятью прежних потерь.

И слышны в речах обретенного друга
С мезузой* волшебных седин у виска:
«Достойная жизнь. Исцеленье недугов»...
И тайная о незабытом тоска.

---

* Мезуза – (древнеевр. «дверной косяк»), пергаменный свиток в металлическом (часто серебряном) футляре, прикрепленный к дверному косяку. Содержит два отрывка из Пятикнижия.

ГОРОДА. 4. КАЗИНО «ВЕНЕЦИЯ»

Дом Вагнера. Там нынче казино.
Дворец «Палаццо Вендрамин Калегри»,
Где жили ларго, престо и аллегро,
Но с Вагнером и умерли давно.

На лестнице, ведущей в малый зал,
Обиты стены золоченой кожей,
Когда-то прежде, проклиная дожей,
Всходил по ней из Падуи вассал,
Чтоб отдохнуть, пофлиртовать, быть может.
А может, просто – глядя из окон
на Гранд-Канал – для радости вельможной
Вплести рассказ в чужой «Декамерон».

Здесь иноземцев тьма перебивала –
Их вечно манит лодочный причал,
И плеск воды – начало всех начал –
И яркое безличье карнавала...

Войдя сюда под маскою Пьеро
Свой куш сорвешь, поставив на «зеро».

ГОРОДА. 5. ХУРГАДА

Я живу в Египте. Жара и лень.
Загорая, рядом жужжит Европа,
Словно муха, влипшая в клейкий плен
Золотого, искристого сиропа.

Отдыхая, рядом гудит Сибирь,
Под грибом из пальмы кипит застольем.
Макияжный женский течет амбир
На сухой песок и текилу с солью...

Что ж, давно расслабиться всем пора б,
Накатив покрепче чего – грамм триста, –
Закусив, чем нынче пошлет араб,
Непохожий вовсе на террориста...

Жить и жить: из недр качая газ,
Из европ качая товар по миру,
Отдыхая, благословлять Кавказ,
Пирамидно радоваться Каиру.

Жить и жить: без войн, без дурных примет,
Чтобы вновь мы сделались – просто люди...
Жаль, надежд на это пока что нет,
И как жаль, что долго еще не будет.

...Ну а тут спокойно – лежи, дыши –
Не польют дождем, не ударят «градом»,
Окунешься с рыбами для души,
Глядь, хранитель Ангел ныряет рядом.

ГОРОДА. 6. ТАЙФУН В ГАОСЮНЕ

Продравшись пространством бескрайним
Сквозь древних досад мезозой,
Я вышел в тайфун над Тайванем
И в дождь по-китайски косою.

На берег недолгой прописки
Принес ощущение вины
Под быстрые колкие брызги
И тяжкую лапу волны.

Как буй, оторвавшись от лески,
Ныряя в прибое и плыл,
И даже буддист-полицейский
Крестом меня вслед осенил.

А берег был гол и изранен
Суровою лаской воды,
На нем было глупо и странно
Ракушки искать и следы.

И странно, и, в общем, не надо
Занозы вбивать в бытиё –
Лишь душная эта прохлада
Напомнила сердце твое.

Лишь ветер свистит и уносит
Никчемную горькую грусть...
... Я в море монетку не бросил,
И значит – едва ли вернусь.

ГОРОДА. 7. ОХОТНИЧИЙ ДОМИК

Ты ничего не обещала,
Я ничего не обещал,
И только речка Лух журчала,
Качая лодочный причал.

Катали тучи чурку грома,
Грозы смешно пугалась ты,
И теплый дождь по крыше дома
Стекал на темные цветы.

За палисадом жили тени,
И в них, угаданы едва,
Скользили влажные олени,
Летала мокрая сова.

Был невелик наш мир минутный,
И кров был тоже невелик,
И зеркало ловило мутный
От общей сигареты блик.

От нежной радости к печали
Мы плыли в море темноты...
И ничего не обещали –
Ни ты, ни я. Ни я, ни ты.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ

Я уже не гляжу из окна на перрон,
Когда отходит вагон.
Много лет пролетело с далекого дня,
Когда провожали меня.
А сегодня, захлопнув купе, как сундук,
Под мерный колесный стук,
Я еду, как едет в кармане билет –
У меня провожатых нет.

То метели снаружи снуют в миру,
То лето шуршит в траве –
Я еду один, и один умру
В закрытом своем СВ.
И мне некому будет сказать «прощай»,
Уходя не таясь – тайком.
Расплатившись сполна за постель и чай
С равнодушным проводником.

Словно бросив на полке свой чемодан
С опостылевшим чем-нибудь,
Я вздохну поглубже, рванув стоп-кран
И покину гремящий путь.
В черном-черном поле, где нет огня,
Под прицел комариных жал
Я сойду... И никто не встретит меня –
Как никто и не провожал.

ЛЕТО В ГОРОДЕ

Выжимает жар слезу,
Не дрожит мембрана в трубке,
Я по улице ползу,
Словно сало в мясорубке.

Боже! Где Твоя постель –
Рожи черны, небо серо,
День тягуч, как карамель,
И противен, как холера.

Я брюзжу на вираже,
Становлюсь досрочно старым,
Я мечтаю о дожде,
Приликая к тротуарам.

Обжигаясь о гранит,
В тень скрываюсь торопливо,
Тело дряблое бурлит
И все время просит пива.

Впору сдать палачу,
Закипеть как мятый чайник...
Даже связей не хочу –
Ни привычных, ни случайных.

Луч, пробившись сквозь листву,
Убивает будто пуля...
...Холод осени зову,
Утомившись от июля.

ГОРОДСКАЯ ОСЕНЬ

Ирине Абрамовой

Облетели тополя,
Город сонно-невесом,
А над ним пророк Илья
Громыкает колесом.

В темном парке городском
Нет ни взрослых, ни ребят,
Лишь песочницы с песком
Сиротливые стоят.

Только ветер, не шутя,
Вертит листья у дверей
В каплях позднего дождя,
В свете ранних фонарей.

Да подъездный козырек
Сохраняет от воды
Торопливых женских ног
Уходящие следы.

И под вечер на душе
Снова зябко у меня
Потому, что мы уже
Не друзья и не родня.

Только память о былом,
Только выметенный дом,
Только холод за окном,
Только темень за стеклом...

СОНЕТ ЗИМЕ

Зима скупа. Свернувшийся бульвар,
 Как бедный пончик белым припорошен.
 Тиранишь грунт рифленую подошвой
 И радуешься, что еще не стар.

Что есть возможность девушке хорошей
 Помочь взойти на скользкий тротуар,
 Что организм не стал покуда ношей,
 Что где-то в нем гнездится Божий дар...

А вот зима скупа. Скупа на встречи,
 На радость от изысканности речи,
 На вьюги, на румяный цвет лица.

В Москве туманно, слякотно и глухо,
 И я ползу, как медленная муха,
 На пончике бульварного кольца.

ПЕЙЗАЖИ
Венок сонетов

МАГИСТРАЛ

**За полем – храм. Деревня Воскресенки.
Охотный ряд. Дневная суета.
Движенье петербургского моста.
Балтийский пляж, изогнутый и тонкий.**

**Европа – благочинна и чиста.
Гортанный крик арабского ребенка.
В оазисе – резная тень листа.
Пурга, как целлофановая пленка...**

**И мошкара, что по тайге звенит,
И черноморский отпускной гранит,
И тучные Америки просторы,**

**И блеск озер карельских ледяной –
Моя страна встает передо мной,
Когда я ночью открываю шторы.**

1.

За полем – храм. Деревня Воскресенки.
Таких названий больше в мире нет.
Над нею льется благодатный свет,
И облака сияют каждой кромкой

небесных золотистых эполет.
Приди туда с вопросом и котомкой
И получи краюху и ответ,
И звон послушай – добрый и негромкий.

Перекрестясь светло и многократно,
На электричку сядешь, и обратно
поедешь. До свиданья, Красота!

Зов тишины, как музыка прибоя,
В тебе... и с ним не властны над тобою
Охотный ряд. Дневная суета.

2.

Охотный ряд. Дневная суета.
Я здесь всегда хочу подняться выше
И с «Метрополя» увидеть, что крыши
Окрашены в зеленые цвета,

как будто тут земля и небо ближе,
и между ними – только пустота,
прочерченная блеском ярко-рыжим
далекой колокольни и креста.

А впрочем, и не может быть иначе –
В Москве с утра прозрачно, как на даче.
И даже даль хрустальна и чиста.

И воздух пахнет пряником и чаем,
И, кажется, я ясно различаю
Движенье петербургского моста.

3.

Движенье петербургского моста
Своей неотвратимостью от века
Естественней старенья человека,
падения осеннего листа,

секундной стрелки медленного бега.
И кажется, уже не наверстать
Упущенного, канувшего в реку,
не стать великим, праведным не стать

в разорванном навек пространстве вер...
Но милостив был древний инженер,
И утешая сердце, как котенка,

пролеты вновь смыкаются, легки,
И ждет воды стремительной реки
Балтийский пляж, изогнутый и тонкий.

4.

Балтийский пляж, изогнутый и тонкий,
Колена сосен, бледная заря,
На улицах – витрины янтаря,
И каменно-любезные эстонки

над вымытыми плитами паря,
похожи на куски остывшей пшенки.
...Как все-таки народы без царя
Напоминают злобного ребенка!..

А мы уже белесыми висками
Сроднились с серебристыми песками,
И любим не людей, но лишь места.

Где наша юность давняя дивилась
Тому, что здесь впервые нам явилась
Европа – благочинна и чиста.

5.

Европа – благочинна и чиста.
В ней все уютно, все имеет меру,
А помнится когда-то тамплиеры
Несли по миру знаменья креста,

И кровь лилась за таинство и веру,
И континент морями прирастал,
Распространяя на земную сферу
Канон суровый римского Христа.

Но минул срок поститься и говеть,
Назад качнулась маятника медь,
Народы колыхнулись ей вдогонку,

И вопреки всем прожитым годам
Звучит под витражами Нотр-Дам
Гортанный крик арабского ребенка.

6.

Гортанный крик арабского ребенка,
Идущего с друзьями в медресе,
Разбудит камни в утренней росе,
От стен высоких отражаясь звонко.

Здесь веры все, народы, расы все
Переплелись причудливой плетенкой,
орнаментами, пряжами в косе
на голове танцующей девчонки.

Здесь были все – пророки и мессии,
И кажется, в пространстве Хамидии,
Вновь ждут богов торговые места.

Недвижен воздух. Все спокойно ныне,
Но все же чуть трепещет над пустыней
В оазисе – резная тень листа.

7.

В оазисе – резная тень листа
 Лежит на красном грунте прихотливо.
 Отсюда до Бенинского залива
 Немеряная Африки верста.

Подобострастный негр (и говорливый),
 Лоснящийся смородиной с куста,
 В саванне нам показывает гриву
 И нервный кончик львиного хвоста.

Весь прочий лев в траве не виден, нет.
 Он затаился и пасет обед –
 Дурного антилопьега теленка.

Отснимем кадр, а завтра – в самолет.
 Нам Африку на память завернет
 Пурга, как целлофановая пленка.

8.

Пурга, как целлофановая пленка,
 Затянет мутью темное окно,
 Как будто жизни долгое кино,
 Не выдержав, оборвалось, где тонко.

В стакане грубом – хлебное вино,
 А на столе истертая клеенка...
 Застряв в степи, по сути все равно,
 Что даст на закуску шустрая бабенка.

Какой ни есть, а это образ дома,
 Хранилище гулящего генома,
 Он все грехи отпустит, извинит.

Приветит нас своим холодным светом,
 Псалом споет – зимой пурга, а летом
 И мошкара, что по тайге звенит.

9.

И мошкара, что по тайге звенит,
И рек золотоносные потоки,
И стертые до дыр маршрутов кроки –
Все это вечно горожан манит

и обещает магию дороги,
туманных сопок акварельный вид,
румянец поварихи-недотроги,
и в рюкзаке домой – воробьевит.

Отправься в путь за сказами Бажова,
А будет хорошо или лажово –
То «как Архангел небо подсинит»...

Но коль погоды и не будет даже,
Фольклор таежный околдует пляжи
И черноморский отпускной гранит.

10.

И черноморский отпускной гранит
Эвксинского был Понта побережьем,
И там, где мы арбуз хрустящий режем,
Колхида утомленная лежит,

растоптанная тапками приезжих.
Я вижу – стрелка на часах дрожит,
поскольку не во времени, а между
времен наш суетливый век прожит.

Из этой долгой, медленной страны
Ушли титаны, и не рождены
покуда боги. Только разговоры.

Но будет день. И пробудится мир,
И канут в Лету – приторный эфир,
И тучные Америки просторы.

11.

И тучные Америки просторы,
Мне привелось – я тоже повидал.
В залив Гудзонский камешки кидал,
(Монетки стало жаль – теперь не скоро

увидю вновь бетонный карнавал,
мычащий от ментального запора).
Я трех сакральных букв не начертал
На граффити гарлемского забора...

...Свои пусть едят. На вселенской свалке
Мне русских букв оставить было жалко,
И я увез их, как всегда, домой.

А дома медь из моего кармана
Да примут мгла валдайского тумана
И блеск озер карельских ледяной.

12.

И блеск озер карельских ледяной
Не красотой, а призраком всплывает
Для тех, кто эту землю забывает,
Родня себя с любой другой страной.

Как долго, пуповину разрывая,
Отсюда шли и ехали стеной
За миражами будничного рая!..
... Не вспомнить лиц, у тех, кто встал спиной.

О, сколько раз я падал! бился сколько!
И оскользался на родных проселках,
Вином тиранил душу и виной...

Но избавляя от стыда и гнева,
Пречистая и светлая, как Дева
Моя страна встает передо мной.

13.

Моя страна встает передо мной,
 Державна, широка и неизменна,
 Когда из экзотического плена
 Я возвращаюсь наконец домой.

Просвеченный таможенным рентгеном,
 Беру багаж с липучею каймой
 И еду по асфальтовой прямой
 К родным деревьям, фонарям и стенам.

Здесь Родина. Родные ждут меня,
 Не гасят в окнах желтого огня,
 Заварен чай, готовы разговоры...

Как будто вдруг окончено кино.
 Но вновь стучится мир через окно,
 Когда я ночью открываю шторы.

14.

Когда я ночью открываю шторы,
 Мне виден парк и спящая Москва,
 А в облаках, угаданы едва,
 Лежат небес зовущие просторы.

И у меня кружится голова
 От ощущенья этой бездны черной,
 И я шепчу несвязные слова,
 как будто подбираю ключ узорный

к замку, что открывает главный путь,
 ведущий никуда... куда-нибудь,
 Туда, где был когда-то я ребенком,
 стоявшим у начала всех начал...
 И поле перешел. И увидел:
 за полем – храм. Деревня Воскресенки.

РАЗМЫШЛЕНИЯ и ЛЮДИ

Всякий, кто любит одиночество, либо – дикий зверь, либо – Господь Бог.

Фрэнсис Бэкон

ДО ГРЕХА

Ночь вступала в права свои,
И, предвестием высшего гнева,
Были бездонны глаза змеи,
Были беспомощны очи Евы.

В спящем раю не журчал ручей,
Замерло всё в тишине подлунной,
Лишь от окраины – звон ключей,
Свист ветерка на спирали Бруно,
Да за оградой из черных плит –
шелест волны и цикады трели...

И одинокий триумф Лилит
В тесной, безгрешной ее постели.

ЛАЗАРЬ

Ирине Суглобовой

Златые буквы черных лент
И плач пронзительный, как лазер, –
Лежи спокойно, бедный Лазарь,
И превращайся в монумент.

Ни свет не мил, ни Бог не свят,
Темно, безлико поголовье –
Оно обделено любовью,
И вновь тебя не воскресят.

Лишь бухнет траурная медь
В руках у лабуха хмельного,
И слов колючую полову
Усмешливо отбросит Смерть...

...Слезливая иссякнет ложь,
Истлеет шелуха во гробе –
И лишь тогда, зерну подобен,
Ты снова к свету прорастешь.

АВВАКУМ

Январь беспощадный метелен и студен,
В белесой летя круговерти.
- Доколе, отец мой, все мучиться будем?
- До самая, матушка, смерти.

Куда б ни забрасывал рок окаянный,
Нигде не обрящем покоя, –
Лишь новые язвы, да новые раны,
Лишь та же страна под ногою.

И кто бы ни княжил, какие бы сроки
Державному Бог ни отмерил,
Нам те же железа и те же остроги
Отпущены будут по вере.

Какой бы рабов ни манили свободой,
Куда бы ни гнали гурьбою,
Лишь пара стрельцов с дураком воеводой –
Попутчики наши с тобою.

Здесь много в оврагах истлело идущих,
Молитву в сердцах повторяя...
- Доколе, отец мой, ведь стужа все пуще?
- До самого, матушка, рая.

Я СКАЗАЛ

Я сказал: будет ветер, и с Севера ветер подул,
 Я сказал: будет ливень, и дождь зазвенел в облаках.
 Я сказал: не к добру! И накликал большую беду.
 Я сказал: не мое! И живу с пустотой в руках.

Я узнал, что слова изменяют податливый мир,
 Бесконечно пространство, пластичное, как пластилин,
 Я сказал – на свободу! И рухнули стены квартир,
 И теперь я один. Я сказал, что останусь - один.

Только ночь надо мною, в которой и проблеска нет,
 Я сказал: расступись, но от темени скрыться не смог...
 Я сказал: будет свет... Но не вижу ожидаемый свет,
 Потому, что не Бог. Потому, что я все же не Бог.

БЕЗНАДЕЖНОЕ

Кто на свете умней? кто белей да милей?
 Кто правее в суде и в бою?
 Этот мир не меняется волей моей
 И не слушает песню мою.

Он живет, он жует, он тетешкает ложь,
 Он растит поколенья на лжи...
 С каждым веком все злее его молодежь,
 С каждым годом острее ножи.

Все страшнее оскал на подобиюх лиц,
 Холоднее во взорах прищур,
 И полки, что стоят у незримых границ,
 Не к щиту тяготеют – к мечу.

Остается курить и слюнявя бычок,
 Шепелявить крамолу в пивной,
 Чтобы вшивый, кривой и хмельной дурачок
 Втихаря соглашался со мной.

А потом вечерами стоять у окна
 И грустить, и мудреть, и стареть,
 И следить, как во мгле исчезает страна,
 Где назначено мне умереть.

Где всегда – недобор, недосол, недород,
 Где закон по привычке суров,
 Где уже население, уже не народ,
 И надо – ни песен, ни слов.

ТАЛАНТ*поэту Владимиру Плющикову*

Божий дар как зелье приворотен,
Словно ревность ранняя раним.
Жители дворцов и подворотен
Без разбора тянутся за ним.

Кто-то ждет утех кровосмешенья,
Кто-то ладит ловкие силки,
Кто-то, словно в тире по мишени,
Тупо лупит по нему с руки.

Кто-то порицает – губы в пене –
Кто-то пишет пальцем на стене:
«Здесь был я. Который современник.
Не забудьте, люди, обо мне!»

То о нем напыщенно судачат,
То рубить пытаются сплеча...
Тщетно. На земле – он только зайчик
Солнечного горнего луча.

Проскользнет по крыше, по канаве,
Просияет, скроется во мгле...
И оставит многих – злых и правых –
На такой бессолнечной Земле.

ПРЕДАТЕЛЮ

Один из стоящих в кассу за серебром –
Мертвая плоть, обиталище черной стыни –
Бывший владелец жены и блочных хором,
Ныне не нужный ни им, ни кривой осине...

«Здравствуй, – ему говорю, отворяя дверь, –
Ну проходи, раз пришел в этот ранний вечер.
Ну расскажи, как поешь, как живешь теперь?
Ну объясни, зачем тебе наша встреча?»

Стал неопрятен, пьян ты и бородат,
Бывший пижон, а теперь – обитатель бездны,
Истовый в покаяниях, но... отводящий взгляд,
В котором гордыне и униженью тесно.

Знаю, что был бы рад искуситель мой,
Если б сломал тебя о колено с хрустом,
Снова вступил я в сумрачный мир земной,
Где безнадежно людно и страшно пусто...

Знаю, что сам бы ты, получив сполна,
Вновь бы обрел под ногами родную почву –
Больше вину не пряча в стакан вина,
Выйдя на свет из кромешной беззвездной ночи...

Но – уходи. И живи, сколь отмерил Бог,
Трать серебро без счета, куда хватит...
Пусть зарастет тропа и сгниет порог,
Чтоб не явился снова ко мне предатель».

Плачь, искуситель. Этот уйдет живым.
Все растерявшим – гонор и даже имя...
Он бы и сам себе по делам своим
Смертью воздал, да земля, как и я, не примет.

ЛУЧШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ СТИХОВ

Алине Грэм

Хрустальный шар. Премудрая сова.
И свиток из пергаментной бумаги –
Я странные на нем читаю знаки
И тайные произношу слова,
Взывая к богу с головой собаки...
В ученьях поседела голова,
Поникли плечи бывшего вояки,
И яркий мир мне различим едва.

Но все яснее для меня с годами,
Что шар хрустальный не безжизнен, нет!
И в нем горит неугасимый свет –
Гармонии невидимое пламя.

Оно теперь всегда передо мной,
И это ты, мой друг, тому виной.

МУЗЕ

В коралловом глубоководном лесу
Я черную рыбку держал на весу –
Была она прочих рыбешек смелей
И кушала крошки с ладошки моей.

В Ливийской пустыне под россыпи звезд
Слетал ко мне черный предутренний дрозд,
И мы с ним делили одну на двоих
Краюху из скудных припасов моих.

И черная кошка в холмистой стране
Ходила сторожко обедать ко мне –
Наверно ей нравилось вместо со мной
Глоток молока заедать ветчиной.

Но где бы я ни был, под небом любим,
Я черною женщиной вечно любим,
Что молча внимает летучим речам
И каплями жизнь мою пьет по ночам.

ОКУДЖАВСКОЕ*Поэтической компании конца XX века*

Обменяю купюру на банку холодного пива,
И бокал поцелую, и пену тугую сглотну,
Рюмку водки паленой вдогонку залью торопливо,
И друзьям позвоню, и в дом отдыха сплавлю жену.

Собирайтесь, поэты, несите с собой угощение,
Собирайтесь, прозаики, закусь несите с собой,
Обсуждайте мои (и не только мои) прегрешенья,
Занимайте диваны и стулья веселой гурьбой.

В черно-белом своем прочитает Суглобова оду,
В дорогушем своем Иванова озвучит сонет,
И послушаем мы, и заплачем, поскольку народу
До поэзии нынешней дела, естественно, нет.

А когда закружится закат, мы его не заметим,
И в квартире моей по углам захрапят наяву
Александр Смогул и Касьянов Сергей – словно дети,
А иначе зачем я в трехкомнатной хате живу.

Мы еще пробудимся под светлые рифмы Плетневой,
Нас похмельных растрогает наш семиструнный Эпштейн,
И проводит глазами ленивый с утра участковый
Гедымин, проносающую нам во спасенье портвейн.

Пара дней пролетит, будет нос пламенеть словно слива,
И приедет жена, и устроит разнос и разгон,
Обменяю заначку на банку холодного пива
И поеду к Смогулу. Пусть дальше придумает он.

ПЕРЕКЛИЧКА О ХЛУДОВЕ*Леониду Колганову*

Константинопольский корчмарь
Спросил – «А как по-русски «слезы»?
Не глупо ль пополнять словарь
В стране глухих... и безголосых.
Не поздно ль все помянуть,
И все каяться соборно,
В стране, где наши имена
Не имут сраму и позора.
Где пахнет тленьем мертвый быт
Прообразов – людей, когда-то...
И где неведом жар обид
Пародии и плагиата.
Пройдет еще немного лет,
Экранизация нагрет,
На полотно, как на паркет,
Мы выйдем, сотканы тенями.
И спляшем страшный полонез
По кругу проходя, по кругу...
Среди расплавленных желез
От Таврии до Оренбурга.
На брата брат пойдет огнем,
Все повторится, как когда-то,
И на молчание мое
Падет проклятье копирайта.
Ордынец, получив ясык,
Отбудет в лучшие пределы,
А мне все грезится язык
распухший, в судорогах тело,
И грех – Отчизну оставлять
Еще живым, способным к бою,
И женщину – святую б...дь –
Везти как ладанку с собою.

СОВЕТ

Плачет женщина ненужная,
Обойденная судьбою,
Совершенно незамужняя
Ни за кем из нас с тобою,

Вся такая эпатажная,
С нежной солнечною кожей...
Я скажу ей что-то важное –
И, авось, оно поможет:

– Не кори судьбу суровую
И соперницу-злодейку.
Делай перец фаршированный,
Жарь упитанные стейки.

Не томись душевной раною,
Не мути глаза слезою,
Заправляй салат сметаною
Присыпай его кинзою.

Позабудь пустые каверзы,
Брось уловки Мессалины,
Но клади в солянку каперсы
И мясистые маслины.

И к тебе сбегутся разные
Со всего святого света
Принцы на конях прекрасные,
Бизнесмены и поэты.

Выбирай того ли, этого,
Или всех бери их оптом...
Но не плачь. Такие методы
К женщинам приходят с опытом.

ВЕЧЕРОМ В ГОСТЯХ

Тиме Чистопольскому

Ночь красивей в темноте,
Только мы уже не те,
Оттого и темнота
Тоже, в общем-то, не та.

Тима, Тёма, – темный бог -
Или теплый кот у ног...
Мы же спорим в темноте –
Ни словечка в простоте.

Темнота теперь пуста,
Чище чистого листа,
Но любви играю фраз
Не вернуть на этот раз.

Хорошо – не видно глаз,
Где укор или указ,
Где желание вернуть
Что-нибудь... Кого-нибудь.

Успокойся. Позабудь.
Темен был далекий путь,
А сегодня нет тревог –
Только теплый кот у ног.

Только в темный уголок
Мальчик Тёма – темный бог –
Лег. И скрылся в темноте.
Ночь прекрасна.

Мы – не те.

ВЕЧЕР ВДВОЕМ*Ирине Гончаровой*

Пришла пора уверовать в добро,
 Благословляя в сумерках постоя
 Сплетенных тел литое серебро
 И слов сплетенных золото литое.

И отряхнув наследье неудач,
 И детский плач, и взрослое отчаянье,
 Накинуть наш волшебный легкий плащ
 На тот цилиндр, где кролик чрезвычайный
 лишь часа ждет усами шевелить
 И публику почтенную дурачить,
 И жизнь невероятную прожить,
 И мир вокруг себя переиначить.

Пусть сатанеет суетный софит,
 Пусть вне луча клубятся тени в лицах -
 Все в мире белый кролик победит,
 Поскольку он не может не случиться.

... Погаснет свет, но плакать не спеши,
 Тихонько вместе мы уйдем отсюда,
 И фетровые сумерки души
 Теперь хранят предошущенье чуда.

НАСТРОЕНИЕ

В очаге погас огонь,
 Телефон молчит — ни звука,
 Скука — маленькая сука —
 Носом тычется в ладонь.

Словно я впечатан в чат,
 Где не пишут, а молчат,
 Или все доносы строчат —
 Друг на друженьку стучат.

Ветер дышит с хрипотцой,
 Ветер пахнет валерьяной,
 Во дворе ночном так странно
 Желтым светится крыльцо.

В доме душный неуют,
 Нарастает ожиданье:
 Вот уже не за горами,
 Вот уже сейчас придут.

Вот потом сгребут в отвал,
 Вот уж запишут в клетку,
 Как отличную отметку
 В школьный новенький журнал...

И оставят там стоять
 Навсегда, едрена мать.

ДОРОГА НА БАДАГРИ 2

---

*«Я увидел указатель: «Дорога на Бадагри»
На проржавевшем знаке прямо перед собой»
Из стихотворения «Дорога на Бадагри»*

Я рассказал о виденье своем
Другу-поэту. Касьянов Серега
Долго искал в Интернете земном
Богом забытую эту дорогу.

Но отыскал и сказал: «Посмотри!
Ты не случайно запнулся когда-то:
Можно однажды найти Бадагри
Только назад не бывает возврата».

В старом порту Бадагри испокон
Так написали бывалые люди:
«This is a road of no return» –
С этой дороги возврата не будет...

*Это дорога для черных рабов,
Берег, где ветер иссушит любовь,
И навсегда, навсегда, навсегда
Непутеводною станет звезда.*

Лунной дорогой сияет вода –
Из ниоткуда ведет в никуда,
И только Богу слышны одному
Трюмные песни плывущих во тьму.

Лопаясь, здесь рассыпается в прах
Черная кожа на белых костях,

*Пьяный загар, словно красная медь
Прячет под белыми лицами смерть.*

*Точка смешения нравов и рас –
Здесь начинается гарлемский джаз,
Этих болот малярийный рассвет
Носит в глазах петербургский скинхед...*

...Кто-то был первым на этом пути,
Кто-то построил настилы причала...
Нам никогда до конца не пройти
Путь, что имеет такое начало.

Золото с кровью – вечерней зари,
Странные запахи в воздухе вьются...
Нам не вернуть корабли в Бадагри,
Но и самим никогда не вернуться.

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ

Живем за стеклами квартир,
Как в ДОТах на войне.
Блажен, кто посетил сей мир,
Кто превозмог – вдвойне.

От перестроек пыль да мреть,
Народ – то кат, то тать...
Лицом к лицу не разглядеть,
За шаг – не увидеть.

Вот так и будем ждать весь век,
Пока осядет взвесь.
Покуда справку выдаст ЖЭК,
Починит крышу ДЭЗ.

И долее прождем, пока
У выходцев тайги
Владенье русским языка
Вернется на круги.

И все же «верь, взойдет заря»,
И кто пока не стар,
Проводит царство без царя,
Боярство без бояр.

Тот мир, где вякает шпана,
Где звякают рубли,
Где на обломках имена
И ценности в пыли.

Где черт кривляется, как мим,
Нам подводя итог...
Где Бог терпим. Пока терпим.
И милосерден Бог.

ШАМАНСКИЙ БУБЕН

От неона реклам и отрав городского тумана,
От истома театров и грез оркестровых пассажей
Возвращаюсь туда, где размеренный бубен шамана
Сквозь тяжелую ночь мне к селенью дорогу укажет.

До мурашек по коже – язык первобытного ритма:
Без него мне не жить, без него одиноко и пусто.
В этом рокоте ровном – пророчество гибели Рима,
А словами камланий со мной говорит Заратустра.

Возвращу имена каждой твари и каждой травине,
Умываясь росой и короткими злыми дождями,
На лохматом коне проскачу по бескрайней равнине,
Попирую на равных со славными в битвах вождями.

И расправится Время под гулким вселенским напевом,
И прояснится взор, что испорчен углами и смогом,
И заплачет по мне безымянная смуглая дева,
Провожая на встречу с единым и радостным Богом.

... Пропади она пропадом, осень районов и парков,
Серый дождь нескончаемый, словно протечка из крана...
Серый город дымящийся блеклым предзимним огарком,
Я тебя разбужу. Я принес тебе бубен шамана.

КУКОЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Кукольный домик, кукольный дом,
Крыша сияет седым серебром.
Юноша-куколка, девочка-бабочка
Кружатся, кружатся в танце вдвоем.

Кружатся долго – им не до нас,
В кукольном домике кукольный вальс.
Юноша-куколка, девочка-бабочка,
Бусинки-блестки пластмассовых глаз.

Дети растут, кончается год.
Лопнет пружинка, и танец умрет.
Юношу-куколку, девочку-бабочку
Ангел игрушечный в небо возьмет.

Синее небо станет синей,
Сверху планета намного добрей,
Юноши-куколки, девочки-бабочки
Вальс нескончаемый кружат на ней.

УЛИЧНОЕ

Пробегавшие мимо взглянули мельком,
И в сетчатках забился случайным мальком,
Очумело глотающим воздух и гарь,
Человечек. Кровиночка. Божия тварь.

Он со старой картонкой, безумен и груб,
От мороза укутанный в черный тулуп,
Краснолицый, трясущий короткий костыль,
Безразлично приемлющий снег или пыль –
Собирает рубли в меховой малахай,
И колышется в кашле: кури да перхай.
И махорочку-крупку с тупым забытьем
В самодельную трубку трамбует ногтем.

Пробегай... И привычно реши – не смотреть!
Брось монетку - зачем тебе мелкая медь?
И от хриплого вслед пожеланья ожгись.
Это жизнь. Хоть она непохожа на жизнь.

ПАРОДИЯ НА ПАРОДИЮ

**(после опубликования безымянной пародии
на стихотворение «Reply Римского друга»)**

*Посылаю Вам, Трибунус, донесенье!
Что творится? Принципалы обнаглели.
В нашу сеть попали два произведенья –
Постум с Плинием смололи по Е-меле.*

*(Я бы скинул эту ересь на мобильник,
но на нём сейчас повесился знакомый...)
Отправителей казните, но не сильно –
их отдайте на съеденье насекомым...*

...

*...Говорят, Трибунус, курица не птица.
А ещё я знаю: дерево – не фикус!
Мой доклад, авось, на что-нибудь сгодится...
Ваш покорнейший иммун Янудвуликус.*

Безымянный автор

Совершенства не найти в подлунном мире,
Хоть живи в ладу с людьми – да и с вещами...
Что-то слышится знакомое в эфире:
«Юстас Цезарю. Источник сообщает»...

Здесь вокруг такая славная природа:
Всюду пинии, скамейки да гетеры,
Но найдется среди всякого народа
Хоть один, но абсолютно правоверный.

Как посмотришь – вроде лодырь и бездельник,
Но найдет себе сестерций на чернила –
И пергамент в общем тоже стоит денег,
А ведь пишет... Видно прочее не мило.

Пишет кесарю, в Сенат или трибунам,
И наместникам, и всяческим легатам...
Не ответят в Риме, он напишет гуннам,
Гуннам, постум – ты не веришь? – буду гадом.

Знаешь, постум, этот «преданный без лестии»,
Как мне кажется, копался в «Аутлуке»...
Впрочем, что я – тут сомненья неуместны.
Оторвать бы интерфейс... А лучше – руки.

Я не злюсь – мне это кажется излишним,
Поворчу порой, но все-таки мечтаю:
Если кто-нибудь на нас с тобою пишет –
Может он одновременно и читает?

МЕНЕ. ТЕКЕЛ. ФАРЕС

По бархатным лестницам дробной крысиной походкой
Бегут президенты и страшною клятвой клянутся,
Народы молчат. Наливаются гневом и водкой.
Бледнеют министры. А в небе? – а в небе смеются.

Ведь сколь ни клянись, не добавится весу ни грамма,
И сколько ни пей, а ни дня не прибавится к сроку.
И снова однажды погонят торговцев из храма,
А там и другие начнут собираться в дорогу...

Давай подождем. Посидим. Пусть окончится давка.
Тем более, нам за пальто в гардероб не ломиться.
Сосчитано. Взвешено. Разделено. И по справке
Нам выдано на руки вместо имперских амбиций.

Другие придут, маршируя парадной колонной,
Не глядя на стены, где надпись старинная вьется,
Поблекшие буквы моргают усталым неоном –
Сосчитано. Взвешено. Разделено. Не вернется.

ТРАНСПОРТНОЕ

Не выжить, к своим не пробиться,
И даже героем не стать.
Канальские бледные лица
Меня окружают опять.

Подходят все ближе и ближе,
Кольцо все тесней и тесней,
В глазах полыхает – я вижу –
Желание крови моей.

Как будто из жуткого мира,
Из серного царства огня,
Поднялись толпою вампиры,
Чтоб досуха выпить меня.

Но всей этой бешеной стае,
Умывшись со страху слезой,
Я твердой рукой предъявляю
Помятый в боях проездной.

И рать их бессильно рдеет,
Как будто увидевши крест,
Вот так о народе радеет
Российский родной МПС.

* * *

Заклевали черные белую ворону,
 Заплевали белые черную ворону...
 Черно-белым обществом не признали птицей
 Синюю-пресинюю певчую синицу.

ВТОРОЙ КРЕСТ

Я – отродье смутного времени,
 Я боярский сын, а не смерд...
 Все вокруг пропитано ленью:
 Жизнь ленива, ленива смерть.
 Дом отцовский постыл до одури:
 Мамки, няньки да кобели...
 Я однажды уйду с подворья,
 Пропаду в золотой пыли.

А и город не слаще терема,
 По обочинам вязнет шаг.
 Бродит люд, от невзгод потерянный,
 Забредает в царев кабак.
 Выпить штоф, до избить обидчика,
 Брякнуть лишнее с пьяных глаз,
 Чтоб вошли матерясь опричники
 И в Разбойный свели приказ.

Чтоб ломали кнутом и дыбою,
 Чтоб каленым железом жгли –
 Чтобы гласным страдальцем выбрали
 За молчанье своей земли...
 Ах, ты волюшка – девка рыжая –
 Не даешься рукам, хоть плачь.
 И судьбу свою ясно вижу я:
 Пара дьяков, один палач.

Знаю: вырвут язык на площади,
 И распнут, отходив кнутом,
 И найдет меня доля общая
 И помянут меня потом...
 ... Взвоят девка над мертвым тоненько,
 Да услышится за версту...
 Что Спасителю, что разбойнику –
 Уготовано по кресту.

* * *

Мне снятся лестницы спиральные
И стены коридоров длинные,
Нагие девы аморальные,
Чужие страхи беспричинные,
Учителей глаза корящие,
И шалости мои беспечные,
И пропасти, огнем горящие,
И муки совести предвечные.

И хлеб, что зачерствел и крошится,
Вино, на скатерти текущее,
И острые над нитью ножницы,
Излишки замыслов стригущие.
И долгий разговор за чашею
О безнадежном общем будущем,
Еще друзья, меня предавшие,
И те, что предадут еще.

Но сон проходит изнурительный,
И слух доносит звуки с улицы,
Где на окне моей обители
Спокойно голуби милуются.
Отец рубанком доски мучает,
В саду деревья шепчут ветками,
И мать о чем-то очень будничном
Смеется с толстою соседкою.

Гюго, Виктор – автор знаменитого романа «Notre Dame de Paris», вышедшего на русском языке под заглавием «Наши дамы из Парижа».

Аркадий Аверченко

НОКТЮРН

перевод из Юджина О'Нила

Раздался орудийный рык заката,
Вода залива – дышит ночь над ней...
Река течет созвучием теней,
И дальний берег тает безвозвратно.

Угрюмо баржа, полная углем,
Рывками якорь тяжкий подымает,
Ее фонарь над гаванью мерцает
Недобрым и неярким огоньком.

И – тишина... Но в тишине звончей
Тревожно эхо крику чайки вторит,
Так, просыпаясь, мы кричим от горя,
Прозревши горечь в глубине вещей...

И Горю внятен крик, и в нем мольба,
Что безуспешно выразиться тщится,
Как тайный стыд, что снова повторится,
Поскольку он не случай, а судьба.

Вновь – тишина. И воздух в ней – без сна.
Бездвижен под тысячеглазьем ночи,
Пока над дальним горизонтом строчку
Из серебра не вычертит луна.

О КОТОВЫХ ИМЕНАХ

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

Котов Называние – это не шутка,
И праздным забавам оно – не чета,
Считайте, что я повредился рассудком,
Но *три имени разных* быть должно у кота.

Ну, конечно, сперва повседневное имя:
Скажем, Питер, Августус, Алонзо иль Джон,
Или Джеймс, или Виктор, а можно Билл Бимми –
Много есть славных домашних имен.

Есть повычурней – верная, впрочем, примета,
Что хозяин у кошки – пижон.
Как Вам: Арес, Адметус, Электра, Деметра?
И это все – список домашних имен.

Но и прозвище нужно коту по традиции –
Из тех, что народы дают королям,
Чтоб хвост поднимал он, как флаг над столицей,
И гордо усы демонстрировал нам.

И подобных имен мне известно немало:
Мышехряпс, Лягукотс или Кавардахлам,
Бомбалорина, иль, наконец, Желемявло –
Их поштучно дают любимым котам.

Вроде все, вроде хватит, но все же, но все же,
Есть и главное – третье – имя кота,
То, что нам угадать, разгадать невозможно,
Знает кот, да не скажет его никогда.

Видали кота, отрешенно сидящим
Со взором, направленным за окоём?
Нам повод известен теперь настоящий:
Он грезит об имени тайном своем.

О невыразимом,
Непроизносимом,
Об Имени истинном тайном своем.

ДОТОШНАЯ КОШКА

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

Дотошной Кошкой я зову старушку Дженниэтотени.
Полоски с пятнами узор на золотистой шубке Дженни.
Она на лестнице весь день, заняв ковровую дорожку,
Следит-сидит, сидит-следит, как следует Дотошной Кошке.

Но только дневной истончается свет,
Прощаясь с пустой суетою сует,
Семья по кроватям – у Дженни аврал:
Ей самое время спускаться в подвал.
Вульгарны манеры у местных мышат -
Дотошная Кошка их выстроит в ряд,
И чтобы основы привить этикета,
Обучит псалмам, кружевам и крокету.

Дотошной Кошкой я зову старушку Дженниэтотени.
Местечки те, что потеплей, себе всегда находит Дженни:
На шляпе, рядом с очагом или на солнце у окошка –
Везде сидит, за всем следит, как следует Дотошной Кошке.

Но только дневной истончается свет,
Прощаясь с пустой суетою сует,
Как снова у Дженни спокойствия нету:
Ведь мыши шумны, а причина – диета!
Они же питаются всем, чем попало,
А значит трудиться придется немало,
И взяв: хлеб, горошек, бекон и сырок
Готовит им Дженни мышиный пирог.

Дотошной Кошкой я зову старушку Дженниэтотени.
Морским узлом шнурок от штор всегда завязывает Дженни.
На подоконнике она, на всем, что мягко хоть немножко –
Везде сидит, за всем следит, как следует Дотошной Кошке.

Но только дневной истончается свет,
Прощаясь с пустой суетою сует,
Как Дженни спешит к тараканам безродным,
Чтоб дать им понятие о благе народном,
Чтоб сформировать шестиногих ребят
В полезный для дома мобильный отряд,
Где есть дисциплина и воля крепка,
И каждый с наколкою в виде Жука!

Так выпьем торжественно трижды из кружек
За порядок Дотошных Кошек-старушек!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ТИГРОВОГО РЫКА

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

Суровый кот Тигровый Рык имел на барже дом.
Из независимых котов – грознейшим был котом
От Грейвсенда до Оксфорда расправы он вершил,
И «Ужас Темзы» титул в награду заслужил.

Повадки были у него угрозою полны,
А шерсть потеряв в репьях, и в пузырях штаны,
И почему пол-уха нет, всяк знал наверняка,
А он глядел в последний глаз на мир, как на врага.

В домишках Роттерхита люд наслышан был о нем,
И содрогались Хаммерсмит и Путни, если гром
«Тигровый Рык грядет!» – гремел вдоль тихой Темзы всей, –
«Скорей курятники крепи и запирай гусей!»

О, горе, горе кенару, что в клеточке поет,
О, горе пекинесу, что погулять пойдет,
Мохнатой крысе юркой среди морских снастей,
Да и коту, попавшему в капкан его когтей.

А пуще всех Тигровый Рык в клочки был драть готов
Заморских иностранных экзотических котов.
Сиамцам и персидцам он пощады не давал
(Ведь то сиамский кот ему пол-уха оторвал).

Но вот однажды ночь пришла спокойная вполне,
Качалась баржа при луне у Мэлси на волне,
И летний воздух был игрив – он голову кружил,
И, наконец, Тигровый Рык расслабиться решил.

Его дружок – Дубленин Шкур – отсутствовал пока,
Застравив в Хэмптоне среди соблазнов кабака,
А друг второй – Проныра Брут – и он пропал, как тать,
Презревши страх в ночных дворах добычи поискать

Но об отсутствии друзей Тигровый Рык не знал,
Он леди Глоданую Кость на легкий флирт склонял,
Его команда спать легла, хвосты раскинув всласть,
А в эту ночь сиамцев флот готовился напасть!

Из джонок и сампанов был во тьме направлен он,
Туда, где мужеством звучал на барже баритон –
Там млела леди под романс, теплея, как во сне,
Но голубым глаза врагов сверкали при луне.

Тигровый Рык и леди Кость дуэт решили спеть,
А джонки замыкали круг, беззвучны, словно смерть.
Эх, Рык! Подвоха ты не ждешь, а уж пора – дрожи!
Как вилки зубы у врагов, и когти, как ножи!

Их Гилберт-главный дал сигнал и бросил в бой орду.
Как фейерверк они взвились, и разом – на борту.
Из джонок – брысь! Сампан – оставь! Покинь покой плотов!
На абордаж! Сгоняйте в трюм проснувшихся котов!

От страха Глоданая Кость завывала, и бежать.
Спаслась, конечно, – а чего от этой кошки ждать?
Минует беспощадный рок трусливых глупых жен...
Стоял один Тигровый Рык, врагами окружен.

Он изумлен, он раздражен, он мечется в тоске,
Но видно время подошло к «прогулке по доске»*
Кто сотню жертв таким путем искать отправил дно,
Тому бесславно утонуть однажды суждено.

Бултых! – и вести, что круги, поплыли в белый свет.
Танцует Хэмли, Вэплинг пьет, ликует Мейденхэд,
Ест Брэдфорд крыс на вертелах, за ним Виктория Док,
И приказал Победы день отпраздновать Бангкок!

---

* Прогулка по доске (морск.) – вид казни, практиковавшийся в море: поперек борта клалась доска, по которой жертва шла пока не падала в воду без шансов доплыть до берега.

ПЕСНЯ КОКТЕЙЛЬ-КОШЕЧЕК

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

*Коктейльные киски – ночь настает!
Коктейльные киски – все вместе – вперед!
Коктейльной луны блик на ветви упал,
И кискам пора на коктейльный бал!*

Коктейльные киски - черные с белым.
Коктейльные киски невелики.
Всегда шаловливы, и яркие, и смелы,
И слышать приятно их голоса.

Коктейльные киски свежи, как розы,
Коктейльных кисок глаза – черны.
Они чуть надменны и грациозны,
И ждут явления Коктейльной Луны.

Коктейльные киски взрослеют долго,
Они соблюдают пристойный вес,
Коктейльные киски умеют польку,
И шуры-муры, и полонез.

Луна Коктейльная их закружит,
Но прежде – отдых и туалет:
Они старательно моют ушки,
И лапки чистят, чтоб выйти в свет.

Коктейльные киски – белые с черным,
У них невысокий уютный рост,
Умеют, как чертики, прыгать проворно,
В их лунных глазках не сыщешь слез .

Настанет утро – они стихают
В объятьях вялого полусна,
Молчат таланты их, отдыхая
Пока опять не взойдет луна.

Коктейльные киски не знают горя,
И все малышки – как я сказал –
Случись цунами и шторм на море,
Они кораблики поставят в зал.

Их рассмотрев при солнечном свете,
Пустышки! – решите, презреньем полны,
Но необходимы нам киски эти
Для Коктейльного бала Коктейльной Луны.

Примечание.

Это стихотворение Элиота не только ни разу не было правильно переведено – оно даже на родине поэта сегодня трактуется с ошибкой. Все дело в английском «Jellicle Cats», которым Элиот обозначает этот «кошачий» типаж. В словаре слова «jellicle» нет. Его вообще не существует в английской лексике, а потому и переводчиками и, что интересно, постановщиками известного мюзикла «Cats» оно трактовалось так, как казалось удобнее. Есть версии о том, что «jellicle» предвдляет собой детское словообразование от «моя милая кошечка». Есть – и эта версия получила статус официальной – мнение, что «jellicle» является производным от слова «желе» – нечто упругое, текучее, пластичное. Версия не самая плохая, но и она неверна. Достаточно внимательно прочесть текст оригинала, чтобы понять: Элиот имеет ввиду определенный типаж женщин, ведущих преимущественно вечерний и ночной образ жизни, завсегдаев вечеринок. Что же значит «jellicle»?

Поиск, который я провел, дал-таки результат. Во времена написания этого стихотворения одним из наиболее известных и модных коктейлей в Америке был коктейль «Jelli-O» на основе шампанского. Его присутствие в меню говорило о «шикарной» вечеринке. Сегодня американцы этот коктейль прочно забыли. Итак, «Jellicle Cats» в переложении для российской действительности звучали бы, как «мещанки» или «прожигательницы жизни». А у Элиота – это тип «девушки-кошечки» с коктейльной вечеринки.

ТУГ-ДУГ-ДУМКИН

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

Наш Туг-Дуг-Думкин – разборчивый кот:
 Предложишь фазана
 – Нет, дай куропатку!
 На даче поселишь – в квартиру уйдет,
 В квартире разместишь
 – Верните на грядки!
 Подсунешь мыша – крысака предпочтет,
 – Вот крыса!
 – А нету ли мышки в остатке?
 Да, наш Туг-Дуг-Думкин – разборчивый кот.

И как бы досада во мне ни кипела,
 Все будет так, –
 Он знает, как, –
 И с этим уже ничего не поделаться!

Повадки Дуг-Думкина страшно дурны:
 Едва он внутри – тут же хочет наружу,
 Всегда он у двери не с той стороны –
 Чуть в дом, а уж мысленно по двору кружит,
 Он лезет в бюро, что стоит у стены,
 И воет в нем, если застрял неуклюже,
 При этом нимало не чужа вина.

И можно отбросить сомнения смело:
 Все будет так, –
 Он знает, как, –
 И с этим уже ничего не поделаться!

Чем наш Туг-Дуг-Думкин – разборчивей нет:
 Он тем предсказуем, что непредсказуем.
 Дашь рыбки – потребует целый банкет,
 Нет рыбки? – на кролика в ус не подует.
 На сливки презрительно фыркает – фить!
 Лишь сам для себя он находит отраду,
 И за уши с полки его не стащить,
 Где то, что ему обязательно надо.
 Туг-Думкин – артист императорских сцен:
 Он тисканий всяческих не одобряет,
 Но примешься шить – он не слазит с колен,
 Иголку кусает и с ниткой играет.
 Да, наш Туг-Дуг-Думкин – разборчивый кот,

Мои рассужденья прервет он умело,
 И все будет так, –
 Он знает, как, –
 И с этим уже ничего не поделаться!

МИМОДВЕРРИ И ШАЛОПАНДЕР

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

Мимодверри и Шалопандер –
для этой пары в порядке вещей
Считаться кошачьими комедиантами,
Семейкой клоунов и трюкачей,
И не дорожить совсем репутацией.

Они прижились на Виктория-Гроув,
Где создали центр своих операций
(Как принято у бродячих котов).
Они известны в Корнуэлл-Гарденс,
И в Ланкастер-Плейс и на Кенсингтон-Сквер. –
Чуть больше известны, чем полагается
порядочным кошкам хороших манер.

Если настезь открыто окно чердака,
А подвал, словно место стоянки полка,
Если с крыши исчезли две черепицы,
И вода сквозь нее начинает сочиться,
Если в спальне комода ящик открыт,
А на вешалке зимний жилет не висит,
Коль одна из девиц свой ужин не ест:
Ее жемчуг фальшивый куда-то исчез! –
Чтоб семью успокоить, бормочет отец:
- Всё коты – Мимодверри, а то Шалопандер...
И на этом, как правило, делу конец.

Мимодверри и Шалопандер
Готовы семь верст до небес наболтать,
Скрывая ко взломам и кражам таланты,
А также таланты хватать и бежать.
Они прижились на Виктория-Гроув,
Не выбрав однако квартирой бессменной

Ни дом ни один, ни один из дворов,
Но выбрав в приятели всех полисменов.

Когда семья за воскресную снедь
Садится к столу, чтобы не похудеть,
И ждет аргентинского мяса с картошкой,
С приправами, зеленью, с перцем, с горошком,
Вдруг повар приходит и голосом мрачным
Вещает: «С обедом у нас неудачно!
На завтра давайте отложим обед -
Осталась духовка... а мяса в ней нет!»
И тогда, как обычно, бормочет отец:
- Все коты! Шалопандер! А то – Мимодверри!
И на этом, как правило, делу конец.

Мимодверри и Шалопандер
Чудесным манером сработались вместе,
Попробуй, скажи, мол, они хулиганы –
А может, и нет ведь? А может быть ветер?
Пускай через дом пролетел ураган,
Но кто присягнет уверенно в том,
Что видал Мимодверри? Иль Шалопандера?
Или тем паче обоих вдвоем?

Когда из столовой «ба-бах» раздается,
Или в кладовке что-нибудь бьется,
Иль в библиотеке с трагическим «дзын»
Раскокана ваза династии Мин,
Чтобы всех успокоить, бормочет отец:
- Всё коты – Мимодверри, И Шалопандер...
И на этом, как правило, сказке конец.

СТАРЫЙ КОТ ВТОРОЗАКОН

Перевод из цикла «Кошки» Т.С. Элиота

Считает наш дряхлый Второзакон
Многие лета кошачьей истории:
В стихах, в поговорках прославлен был он
Задолго до дней королевы Виктории.
Второзакон пережил девять жен
(И девятю девять бы – тоже не странно),
Детьми был успешными не обделен,
Деревня гордится котом-ветераном.

Достоинства полон, умиротворен,
Сидит он в лучах на церковной ограде,
И местный старик говорит:
– Бога ради!
Делаа-а! Быть не может!
Не верю глазам!
Привет! Побожусь ведь, что это же сам
Древний наш Второзакон!

Вот Второзакон решил посидеть
(На улице главной базарным деньком) –
Сколь овцам ни блеять, быкам ни реветь,
Пастух и собака их гонят кругом.
Машины штурмуют бордюры рекой,
А местные ставят заслоны и блоки –
Чтоб не был никем потревожен покой,
Кота, что прилег посредине дороги,

в раздумья про местный бюджет погружен.
И снова старик говорит:
– Это ж вроде...
Да, нет!..
Быть не может – не верю глазам

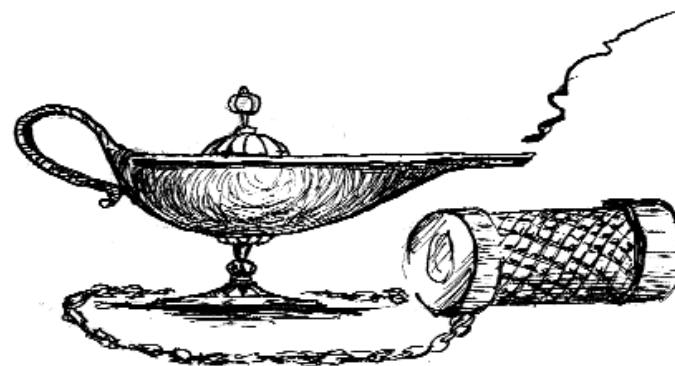
(Уж больно они меня нынче подводят)...
Но, дай догадаюсь – тут Второзакон!

Вот спать он прилег, утомленный едой,
В таверне «Лиса и Французкий рожок».
А пахарям надо «еще по одной»,
Но хозяйкин из кухни звучит голосок:
– Ну-ка вышли-ка все через заднюю дверь!
Не то ж вы разбудите Второзакон!
Чуть пикнете – мигом здесь будет костебль!
И что же? –уходят гуляки покорно.

Ведь свят его послеобеденный сон,
И пищеварение мирное свято...
А местный старик говорит:
– Погодите!
Я с вами! Ох, ноги!
Ох, не зацепить бы...
Ведь это же Второзакон!

ДЖИНН и КАЛЕЙДОСКОП (посвящения Наташе)

*«...Если будет у поэта Натали,
То поэт своею смертью не умрет...»*

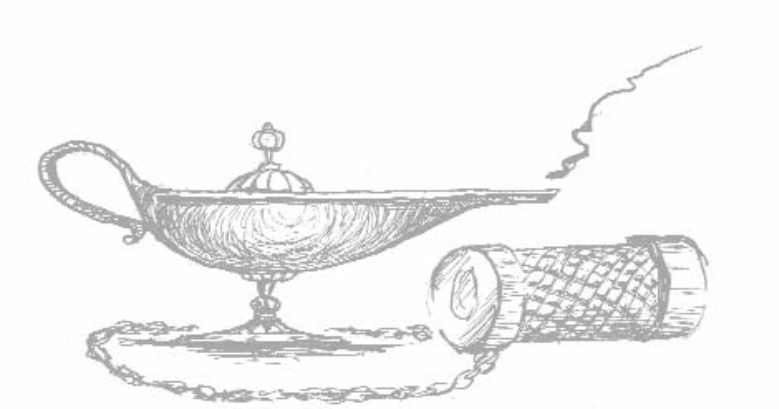
Дмитрий Орлов

* * *

«Смерть придет – у нее
Будут твои глаза...»

И. Бродский

Духота привычек, сомнений груды
Создают в душе ощущение сора,
И такого звона, как от посуды,
Что летит об стену, венчая ссору.

Но макая волю в холодный вечер,
Словно вдруг ныряешь в миры иные,
Где русалки бледной покаты плечи,
Где прозрачней Стикса глаза хмельные.

И плывешь в потоке листом опавшим,
Золотясь бессмысленно и без толка
От того, что город тобой украшен –
Ненадолго, Господи... Ненадолго.

До последней капли из ржавой фляжки,
До последней искры во власти тени,
Словно ты и есть – золотая пряжка,
За которой плоть наготы осенней...

Наготы, которая греет стужей
И дарит свободой, судьбу истратив,
А потом ледком покрывает лужу,
Где на дне немало твоих собратьев...

РАННЕ-УТРЕННЕЕ

Мне уже не бродяжить, не звать
Белой девы со взглядом иконным –
Полупьяным поэтом стоять
У июльского теплого клена,

И квартал обойдя стороной,
Пробираться к ларьку за повтором,
Колотя колотушкой грудной
Для острастки предутренним ворам.

Город в окнах колышет уют,
Душным летом в кроватях вздыхает,
В нем друзья мои больше не пьют –
Без вина по утрам опухают...

Поплавок на рассветной волне,
Я ныряю в события любые –
Может все же вернуться ко мне
Белой девы глаза голубые?

* * *

Теряясь в пространстве ночи,
Ты оставляешь след.
Тонко или не очень –
Рвется...

и только свет
Решительного ухода,
Честного, словно «нет»,
Дрожит бесконечной кодой –
Моей пустоте в ответ,
Где полночь и запах кофе,
И сказанное – все зря,
Как мертвый холодный профиль
Погасшего фонаря. ..

Как быстро местоименье,
Из «ты» превратясь в «она»,
Укрыло мой город тенью,
Где светлого нет пятна.

* * *

Который день дожди... мечта о лете
и о тепле – конечно, не сбылась,
Лежит на досках пола в кабинете
Почти полиграфическая грязь.

Лениво убираю. Тряпку прячу.
В киоск спускаюсь, мелочью звеня,
... моя любовь опять живет на даче
За сотню километров от меня.

Там тишина. Не слышен шум дорожный.
Соседи. Лес. Излишняя суета.
А в городе всё влажно и тревожно
За исключением, разве что, кота,
который смотрит ясными глазами
в мою судьбу, как отворив Сезам...
И я глотаю водку со слезами,
И предпочтенье отдаю слезам.

Все жизнь гадаю «чёт» – выходит нечет»,
Ночь жертвы ждет, как жрица, во дворе...
Два утешенья: что работа лечит,
Да бес еще шевелится в ребре.

* * *

В породе ищешь кристаллов другу,
Но, в основном, находишь породу...
Исповедь не избавляет от груза,
Лишь возвращает назад к народу –
Так шар от борта минует лузу.

А ты стоишь с намеленным кием
Сделал все правильно, но промазал –
И произносишь слова такие,
Что без стакана не вспомнить сразу –
Как женщина, гулкие и нагие...

Впрочем, концовка игры известна:
Черный закатится ниже поля,
Как будто в лузу, а все же – в бездну,
Где нет бортов, где покой и воля...
Вулкан потухший торгует пемзой,

Хотя по-прежнему пахнет серой...
У ветра осени вкус арбуза...
Забыв надежду спасемся верой,
Повыв с волками, идешь, искусан
К венцу – с какой-нибудь доброй стервой.

Потом живешь от еды к скандалу,
Под мысли вслух про стакан да воду
И тупо рубишь кайлом усталым
Все ту же горестную породу...
И уходя, не грустишь. Нимало.

ПИСЬМО АЗБУКОЙ МОРЗЕ

Мы не видятся вовсе наверно с тобою могли бы,
 Проиграв расписанию жизнь и ближайший четверг.
 Ты уходишь в пространство,

как в море шаланду за рыбой

От причала уводит соленой души человек...

Одурманенный морем, моряк возвратится с уловом —
 И кефали полно, и далекая даль голуба —
 Но в знакомом порту те же самые бросить швартовы,
 Что и в реку повторно войти — не судьба. Не судьба.

... А биндюжники встанут — биндюжникам всей и заботы,
 Лишь, скрипя башмаками, вставать по команде в пивной,
 И опять проиграется жизнь — до последней субботы,
 До последней весны, что уже не придет за зимой.

То-то осень у нас загостилась на мокрых аллеях,
 То-то мысли давно, словно дети, отбились от рук,..
 Где-то рядом в метро поэтический парус белеет.
 Что-то ищет наверно? Вернется ли только? А вдруг?..

ДВОЕ

Сядем рядком, выпьем молчком
 Жидкий огонь под селедку с лучком...

Где-то в степи, среди солнца и трав,
 С грохотом тронется тяжкий состав.
 Воздух вспорхнет, ясен и чист,
 Чуть улыбнется в усы машинист,
 И, словно кони, предчувствуя кнут,
 Рельсы прогнутся и шпалы вздохнут.

Где-то в степи дрок да ковыль,
 Вьется, не падает желтая пыль,
 В черном колодце сладима вода,
 Просто и радостно женское «да»...
 Там тишина слаще речей,
 Там, неподвластны власти вещей,
 Недостижимы сплетням старух,
 Души живут потерявшихся двух...

Здесь же тоска. Вечно дела.
 Душ не взыскуют пустые тела,
 Соединяясь в одно до щелчка,
 За отраженье движенья в зрачках...

...Поздно уже. Надо идти.
 Надо сказать «до свиданья», «прости»...
 Не размыкаясь уже ни на час,
 В поле, что боги стелили для нас.

ЧАЙНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

В чашке двора фарфоровой
 Мы,
         словно крепкий чай
 ночь заварили –
                                 здорово
 пить ее потихонечку...
 Пей – и не обещай...
 Утро ознобней полночи,
 И веселей – слегка.
 Брызнет заваркой белою –
 Что ж я потом поделаю
 С кратким: «Звони. Пока»?

НОВОГОДНЕЕ

Не то от песни, не то от жажды,
 Не то от едкого никотина
 Завянет в вазе цветок однажды
 И потускнеет над ним картина.

И в дальнем доме с двойною дверью,
 И в том подъезде с консьержкой строгой
 Не будет птицы – но будут перья,
 Икона будет – не будет Бога.

... Ну что за память! Всегда прощально
 Звенит, что рында перед отплытьем...
 Москва приветлива и печальна,
 И одиночество в ней – событие.

Но одиночество в ней бывает,
 Когда бессмысленно долго кружишь
 По никудашним путям трамвайным,
 По невозможным январским лужам.

И вдруг зверея от горькой дозы,
 С себя как шкурку сдирая куртку,
 Бредешь обобраным дед-Морозом,
 И без подарка, и без Снегурки...

Но все проходит... но все проходит,
 Змея трамвая в депо вернется
 И утро добрым и новогодним
 Заглянет в память на дно колодца.

Где перед праздником жарки свечи,
 Где то поет, то смеется птица,
 И расцветает цветок не вечный,
 И краски свежи. И холст искрится.

СУМБУРНОЕ

Слова «все кончено» совсем не требуют перевода,
Они звучат одинаково – на любом языке.
Еще – выражение глаз, движения кода,
И холод чужой руки – на память – в пустой руке.

И тогда – куда хочешь. Стели самобранку-Европу
И ешь глазами ее марципановый торт,
И жизнь вращай подобием калейдоскопа,
Иногда в цветное окошко бросая: «Черт!»

Ну, давай, автобус! Верти поскорее колеса,
Но не стой ни минуты, трясси пассажирский багаж,
Потому, что на каждой стоянке свежо и остро
Проступают черты лица сквозь дождливый пейзаж...

«Прощай, – прошипела дверь, открываясь в город.
«Кончено, – в дверь выходишь, слова теребя,
Ощущая в пространстве вечные – Страх и Голод,
Без любви ли, с ней ли, но главное – без тебя.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Тьма на глазах, словно копать на льду –
Долгого прошлого след,
Я из потерь своих ночью сплету
Черный, как небо, сюжет.

Странную сказку из бросовых слов,
Сагу бездомных бродяг,
Если же вдруг помяну про любовь –
Это не слушай. Пустяк.

Ночь растворится, как сажа в спирту,
Тушью окрасив пейзаж,
Ты драгоценную мне доброту
Платой за сказку отдашь.

Я, безнадежно трезвея к утру,
Вниз сосчитав этажи,
Теплой твоею ладонью сотру
Пыльные слезы с души.

В АЛЬБОМ

Когда от «будет» и «было»
Останутся лишь нули,
Ты разобьешь бутылку
О каменный борт Земли,
И дрогнув, скользнет планета,
Со стапелей вниз спеша,
Кругла, как башка поэта,
Чиста, как его душа...

Корабль кренится грустный,
Волна тормозит его,
Пускай на палубе пусто,
И в кубрике никого, –
Но ты очищай, не мешкай,
Для древней игры поля...
Ферзь это ведь тоже – пешка
В отсутствие короля.

Да, все мы – немного дети,
За шахматною доской,
Мы жертвуем всем на свете –
Выигрываем покой.
Путь к ближнему дому долог,
Доска наконец чиста...
Лишь мертво блестит осколок,
И думает: он – звезда.

ГЕНДЕРНОЕ

Женщина – это то,
Что любят, когда она есть:
Думают, помнят, поют,
Берегут, приглашают и холят.
Сравнивают с мечтой,
Приносят Благую Весть,
Цветы и дары несут,
Возделывают, как поле.

Мужчина – наоборот:
Любим, когда его нет.
Когда вокруг пустота,
И не на кого опереться.
Когда он в дом не придет,
Не включит в прихожей свет,
И не положит к ногам
Совсем ненужное сердце.

ПРОСТАЯ МОЛИТВА

Боже, вот и случилось молиться –
Пощадеши, как прежде спасах,
Эту женщину с черною птицей
В голубых, словно небо, глазах.

Эту женщину с черной печалью,
На беспечном пространстве земном,
Эту девушку с вдовой печатью –
Пожалей в милосердыи Своем.

Силы дай, исцелясь, исцелиться,
Смой с души ея горькую ржу...

Боже, я не умею молиться...
Я прошу Тебя! Очень прошу.

ВАРИАЦИИ БЕЗ ФЛЕЙТЫ

На солнечном теплом настиле крыльца,
Укрытом кустами от ветра и взгляда,
Ты слушаешь песню минорного лада
С пристойным ему выраженьем лица.

И ловко бренчит приблудившийся бард,
От лиха лытая в холеном миноре –
О чем бишь? Да все о любви и о море,
О чем еще струны тебе говорят?

И темным топазом искрится коньяк,
И пеплом Отечества пахнет кострище...
...Ты знаешь, что каждую нотою ищет
Застежку на блузке заезжий дурак.

Но блузка и так словно воздух легка,
Но осень и так до предела интимна,
Но песни и так превращаются в гимны,
Когда над гитарой плывут облака...

... А значит, истратив минор до конца,
Идти менестрелю по пыльной дороге,
Тебе ж – помахать ему вслед на пороге
И вечером в дом возвратиться с крыльца...

И чайник помятый согрев на плите,
И свет не включая, заплакать от горя,
И долго мечтать о любви и о море –
О чем еще думать одной в темноте?

СОNET

Раздвинутая властными перстами
Событий, словно штора на окне,
Моя печаль еще живет во мне,
Но тень ее невидима. Настанет

однажды час, и уж тогда вдвойне
Она свое возьмет и наверстают,
И в обморочной мрачной тишине
Реестр бед моих перелистает,

Как почтальон в незапертую дверь,
Внесет мешок ошибок и потерь,
Иллюзий, прегрешений и обмана.

И напоследок вскроется одна,
Уже смертельна, но еще больна
От нелюбви твоей слепая рана.

ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

Криком коршуна Чилия, увидевшего внизу
Полосу деревьев – за ней реки полосу,
Наполняется воздух, как воздухом детский шар,
Остужается жаром солнца желанья жар.

Не планета это – лишь Божий смешной волчок,
Целиком вошедший в летящий над ним зрачок,
Центробежной силой пугающий быт земной,
Что со мной ли, нет ли – но главное: подо мной.

Лишь отсюда, сверху, когда ты все время над,
Ощутишь единство бегущих тяжелых стад
И далеких гор, что своей синевой легки,
С напряженной мышцей держащей стрелу руки.

Птица помнит абрис, зато не помнит имен.
Кто летает, тот не может быть вознесен,
Инстинктивно в мире отыскивая места,
Где добыча... воздух... и жесткий покой гнезда.

Даже не знаю... не знал... или все же забыл,
Как называлась трава, иссушенная яростным ветром,
Как называлась летящая красная пыль,
Мили считавшая вместо родных километров...

Помню одно: лихорадка надежней тоски,
Лезет природа в прорехи кирпичной разрухи,
И никого – лишь один бесконечный москит,
Словно собака по мертвому, воеет и воеет над ухом...

Выпустить страх – белой птичкой из клетки весной –
Пусть полетает и тенью потом обернется,
Пусть напроорочит все то, что случится со мной,
Непререкаемым голосом злого земного уродца...

Выпустить песню – она превращается в страх.
Чуть повстречаешься – сразу пора расставаться –
Что там таится в бесстыжих раскосых глазах?
- Мертвое золото. Знак октября-святотатца.

* * *

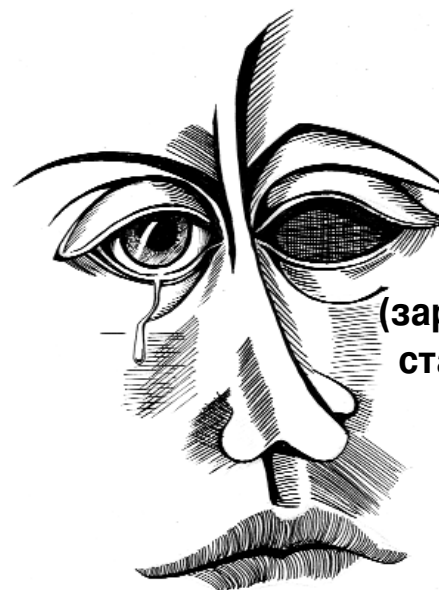

Приобретя пристойный внешний вид
И награжденный за терпенье раем,
Когда-нибудь я стану знаменит,
Цитируем и, может быть, читаем...

Усталый критик ночи напролет
Начнет строчить хвалебное чего-то,
Чтоб лечь со мной под общий переплет
И разделить тираж и позолоту.

Биографы пройдутся по судьбе,
Сваяет скульптор бронзовую лиру...

... Но это все написано – тебе.
А после уже – *городу и миру.*

ПРОЗА
(зарисовки, эссе,
статьи, реплики)

ИЗ ДЕТСТВА

Открытое настежь окно первого этажа. Поздняя весна. Жара. Эпоха застоя. Рядом с окном у подъезда стоит лавочка. На ней гнездятся местные старухи: Глафира Николаевна и Алевтина Петровна. Я делаю уроки и слушаю их нескончаемый диалог.

– Ить вот стыда-совесть у них нет, – говорит Глафира. – Вот, ни стыда нету, ни прям совесть.

– Баре, одно слово, – подтверждает Алевтина.

Напрягаю слух, так как под определение «баре» у Алевтины попадают все, кто не занят в промышленности и сельском хозяйстве, а потому, вполне возможно, что речь идет о нас с матерью.

– Весь день музыку играет, а! – негодует Глафира.

– И то. – соглашается Алевтина. – Уж прям не знаю, скока ж можно!

Значит не про нас. Я, правда, на пианино тоже играю, но мои занятия много времени не отнимают. Выучить какой-нибудь этюд «чернигермера» на четверку – большего от меня музыкальная школа добиться не может. Карьера музыканта мне не светит. Хорошо, что не про нас. Это про Ленку с третьего этажа. У нее скоро экзамены в музыкалке, вот она и зубрит что-то классическое. Не то Баха, не то Генделя. Давно зубрит. Третий час уже.

– Убить мало, – резюмирует Глафира.

– И то, – опять с готовностью соглашается Алевтина.

Значит, когда Ленкина мать пойдет домой с работы, ей у подъезда устроят всенародный выговор и змеиное шипение. Будут упрекать и требовать, чтоб «струмент не надоедал людам». С ударением на «я». Потому что «не баре». Потому что «не хрен за счет нашего покою из своей девки музыкантшу делать». И так далее. Хорошо, что не про нас.

Вдруг, меня захлестывает жгучий стыд, даже уши начинают гореть и почесываться. Ну и что, что не про нас? Это ж про Ленку, которая играет Баха или Генделя, у которой мать работает в библиотеке – и я беру у нее хорошие книжки из запасника. Мать – Людмила Сергеевна – худенькая такая, крашенная блондинка. И отца у них тоже нету, как и у нас. И мы иногда вместе чай пьем и телевизор смотрим. А с Ленкой приятельствуем – она постарше и гордая такая, но все же здороваётся со мной и иногда позволяет вместе дойти до музыкалки. А эти две тетки – здоровенные и толстые, вечно пахнущие перегорелым жиром и еще чем-то кислым – как они смеют? И как я-то посмел обрадоваться, что они не про нас с матерью говорят? Трус. Гад.

Высовываюсь в окно. Старухи сидят ко мне спиной. Хватаю литровую банку из-под томатного сока, наливаю ее водой и со всего размаху выливаю в окошко. Быстро прячусь и слышу звериный вой старух: «А-аааа!!!! Обварили!!!!» Это неправда – вода была холодная. Снова высовываюсь. Говорю: «Ой, простите, я вас не заметил. Хотел на цветы вылить».

– Шпана!! – кричат старухи в один голос. – В милицию тебя! В народный суд!! Погоди, мать придет, мы с ней поговорим! Чтоб выдрала, как сидорову козу!!

... Вечером мать спрашивает: «Зачем Алевтину-то с Глафирой облил?» Сбиваясь, рассказываю о своих дневных мыслях. «Больше так не делай, – говорит мать. Потом подумав добавляет. – Но ругать я тебя не буду».

НА ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ ЕЖА

«Широко и всенародно» отмечаемым годовщинам смерти «известных и публичных» посвящается

Жил-был еж. У него были, как водится, ежиха и ежата. И дела были свои – ежовые. За исключением превентивных колючек, ежа и укорить-то было не за что. За что его укорять – он Божья тварь. По-своему живет – как Природа указала, как Творец начертал.

Но однажды попался он ученым. И понесли ежа на алтарь науки. И зарезали на этом алтаре без наркоза, визжащего от ужаса и боли.

Не знаю, какие идеи были у исследователей – наверное высокие.

Знаю, что у ежа одна была идея: «Сволочи вы, садисты и убийцы». Ему ж никто не разъяснил, что его жизнь нужна человечеству.

Как хотите, господа, а в эту годовщину у меня самые настоящие слезы наворачиваются.

Не при чем еж в нашей Истории. Если когда и уколол кого, то не до смерти.

О МАСТЕРЕ И МАРГАРИТЕ (продолжение темы)

Присел однажды на скамейку в городском сквере немолодой интеллигентного вида человек. Несмотря на жару, был он одет в костюм-тройку, в легкую летнюю шляпу серого цвета, а на ногах носил не сандалии, но туфли кожаные, хотя и на тонкой летней подошве.

Видно было, что человек в сквер зашел не ради прогулки, а скорее, чтобы отдохнуть после визита в некое «присутственное место», хотя какие теперь присутственные места? Конторы есть, «организации» есть, которые что-то должны, судя по названию, организовывать... Ну и прочая всякая дребедень.

Пришел человек, сел и задумался.

Тут мы отвлечемся немного и откроем читателю глаза. Тот, кого мы вот так запросто назвали человеком, был, на самом-то деле – Автор. Причем не какой-то там неизвестный и никому не интересный автор, каких посылают читать лекции к пионерам, а Настоящий. Еще его можно было назвать словом Литератор. Писатель. Как ни назови, главное все это с Большой Буквы.

Вспомнилось ему недавнее. Вспомнились мерзкие глаза секретарши, скошенные к носу от постоянного вранья. Вспомнились умные и холодные глаза редактора – человека несомненно образованного, но от того еще более похожего на

живой труп, извергающий из себя прописные истины Нового Режима. Слово было человеком, и нету его. Только скрижалю каменная и осталась.

А еще пришло Писателю на ум, что и он сейчас поставлен перед проблемой выбора: жить ли ему в ладу с Новым Режимом или со своей Совестью? И как не выбирать, извините? Если на каждом шагу... Буквально, даже в театре... И особенно в этих, как их, органах (слово-то подобрали какое анатомическое!) И еще ведь есть жена, которая тоже кушать просит и глядит на тебя с надеждой...

И посмотрел Писатель на пылающее в верхних этажах дома солнце. И увиделось ему, что в сквер под чахлые липы с разных сторон вошли несколько персонажей – сперва похожих на тени, но, по мере приближения, все более живых и напоминающих кого-то из прежде виденных людей. Или не людей? В общем, кто как...

И первыми увидел Писатель редактора и автора. Такого автора, каким бы мог стать, наверное, и сам, если бы не волновали его проблемы более вечные, более страшные... Услышал он и их разговор: а о чем может говорить внутренний редактор со внутренним ремесленником, почти пишущей машинкой – автором. Ну конечно, о Боге. В том смысле, что Бога нет. А если его нет, то все просто. Пиши и получай гонорар! Езди в Цхалтубо или Ялту. Становись членом МАССОЛИТа.

Но потом в сквере появилась Совесть. Часть той силы, что вечно хочет зла и вечно творит добро. И не одна. С ней пришли Ирония с хвостом на четырех лапах. И Сатира в треснутом пенсне. А позади угадывались другие ее слуги, даже и Смерть в темных очках – ибо когда Совесть посмотрит тебе в глаза, сняв очки, выжить сложно...

А после, когда Совесть напомнила о Боге, когда обезглавлен был мертвец, и ремесленник побежал за ней вдогонку, а добежал до сумасшедшего дома, когда все окружающее

«варьете» перевернулось, тогда возникла в Писателе Любовь. И он оперся на нее, и окреп, и вышел из своего собственного сумасшедшего дома, и стал Мастером.

Еще позже, буквально через несколько минут, обрел он и покой. Ибо стал его внутренний мир неуязвим: Бог, дарующий свет (который еще надо заслужить), Совесть, дарующая покой, Любовь и Мастерство – вот, что в нем осталось. А остальное разлетелось куда-то по своим местам... Кто куда. Раздолбайство – грибы собирать. Мелкое вранье поутихло. Органы оказались бессильны перед неуловимыми для них субстанциями. И т.д.

... Встал со скамейки Человек в костюме-тройке и пошел потихоньку домой. И начался роман, который почти никто не умеет прочесть, ибо мало кому доводилось говорить со своей Совестью – не на жизнь, а на смерть... Ибо другие у нас сейчас проблемы: квартирный вопрос нас испортил... Да и не только.

О ХАМСТВЕ

Не так давно по каналу «Культура» прошла в записи беседа с профессором Юрием Михайловичем Лотманом – к огромному сожалению, ныне покойным. Я слушал, не отрываясь, настолько знакомыми и созвучными оказались высказанные им мысли. А говорил он о хамстве – как о примете нынешнего времени. Об истоках и корнях этого явления, о психологической подоплеке хамства.

Пересказывать целиком все высказанные им мысли я не берусь – нет смысла. Говорит Лотман компактно, отточено, и потому лучше найти где-то запись передачи и посмотреть ее «в оригинале». Однако, мне подумалось, что известные в общем-то давным-давно истины все время проходят попытки «ревизоваться», все время новые и новые поколения делают вид, что правила писаны не для них, а определения устарели...

Конечно, это не так. Но практика показывает, что уличая хама, допустим, в ЖЭКе, человек зачастую ничтоже сумняшеся становится таким же точно хамом на своем месте – просто те требования, которые он предъявляет к окружающим, ему самому кажутся необязательными. Либо нарушаются намеренно. То есть, существует необходимость «перевода» языка формул на конкретные случаи, конкретные виды деятельности, конкретные типы отношений.

Давайте посмотрим, как хамство проявляется в отношениях литературных – благо поле для исследований под руками, и засеяно оно тщательно. Ростки пробиваются сплошь и рядом.

Сперва формула (по Далю).

«**Хам** м. хаму(ы)га, хамовщина, хамово колено, отродье, бранное прозвище лакеев, холопов или слуг; крепостной.

Хамство ср. хамовщина ж. лакейщина. Из хама не будет пана. По бороде Авраам, а по делам – Хам. Ходит Хам по лавке, в хамовой рубашке: открою я окошко, выдь Хам вон! (дым в черной избе). При нем все хамы служат, подлый народ, люди низкого рода и безусловные поклонники.

Хамоватый человек, холоповатый, неуч.»

Итак – прежде всего хамство приравнивается к происхождению, к конкретному роду занятий, накладывающих отпечаток на манеру поведения и психику. Хам – это прежде всего лакей. Тот, кто обречен быть прослойкой между господином (которому лакей завидует, чьи манеры пытается копировать, которого при удобном случае готов уничтожить именно в силу всепоглощающей зависти) и простолудином (перед которым лакей выглядит «почти барином», но барином не являясь, вызывает насмешки, злость, отпор – а следовательно также чувствует себя врагом).

Хам, таким образом, – это не просто «невоспитанный человек». Это идеологический враг тем, кто ниже его по социальной лестнице, и тем, кто выше. И «невоспитанность» его – это отнюдь не отсутствие воспитания. Это намеренно избранная манера поведения, дистанцирующая хама от окружающих, придающая ему статус «опасной личности», которую можно не уважать, но уж хотя бы опасаться придется.

В творчестве – в частности, в литературе – хам являет собой тип человека, который хочет «казаться талантливым» любой ценой. Обратим внимание, что лакей не может *стать* господином –

но казаться им он хочет всегда. Это всегда – игра в подобие. Тако же и в творчестве. Хаму необязательно написать талантливое стихотворение: ему жизненно необходимо только, чтобы любое его стихотворение было *признано* талантливым. «Борьба признаний» – это борьба хамов.

Я намеренно не останавливаюсь на конкретных проявлениях: версификация поведенческих признаков в хамстве может быть достаточно широкой. От исподволь проводимых «закулисных интриг» до прямых нападков (это когда «хам в силе»). Однако, тем же хамам свойственны и другие основные лакейские черты: трусость и подлость. Не надо стесняться определять их, замечать их проявления. В себе – в том числе. «Убить в себе хама» – дело достойное. Порой оно удается, и тогда человека можно только поздравить с огромной победой над собой. И порадоваться за него.

Бог дает грешнику раскаяться даже за минуту до смерти – то есть верит в положительные изменения. Мы часто оказываемся куда более жестоки, хотя, надо признать, изменения такие редки.

Но и поощрять хамство, стыдливо опуская глаза, не стоит. Жизнь – штука жесткая и однозначная. Есть в ней такое понятие, как «самоопределение». До поры до времени человек находится «между ипостасями», может склониться и туда, и сюда. Однако, наступает и момент, когда выбор уже сделан. И поверьте – «наполовину хамом» быть нельзя, как нельзя быть «наполовину интеллигентом». Наглое приспособленчество, мерзкий снобизм, малообразованное стремление уравнивать всех «по инструкции», кучкование в злобных, дышащих ядом группировках, трусливое стремление напакостить и свалить на другого, провокации – это как раз из арсенала хамства. Впрочем, в этот арсенал входит и лакейское восторженное «вылизывание» тех, от кого хам зависит, а пуще прочего: стремление «угождать всем людям без изъятия» (включая и «собаку дворника» – чтоб «ласкова была»).

Увы, революцию и прочие перемены социальные, как то мясо в мясорубке – назад не повернуть. Но общество всегда приходит к необходимости расслоения – не по деньгам, а по личностным качествам. Так образуется аристократия – самый ненавидимый лакеями-хамами класс. Хамы не заинтересованы в социальной стабильности: в ней они стремительно утрачивают рычаги влияния. Вырабатываются критерии, цензы, системы ценностей, и им приходится удаляться «в людские», тискать горничных, допивать остатки из бокалов и доедать объедки со столов. Не от голода, поверьте. Просто, чтобы «поесть и попить, как господа»...

Все это живо, все это присутствует, все это проникает во все уголки нашей жизни, во все сферы деятельности. В творчество – в том числе.

РАССКАЗ В ПОДЪЕЗДЕ

Сижу как-то дома, а родителей все нет – зажигают где-то. Ночь уж на дворе. Ну, пошел искать. Прихожу, а они на поляне песни поют, пиво у них там, другие тоже напитки. Людей много вокруг. Говорю им: «Пошли домой!» А они: «Сейчас, как же! Только ж начали!»

Ну, конечно, через час их вязать приехали. Выходят те из газиков, смотрят, а народ-то вполне приличный, только что песни поют. Что делать? Вязать не стали, в «газон» пригласили, отвезли на Красную площадь, где ордена дают. Говорят: «Дайте им тоже чего-нибудь, а то спасу от них нет». Папе Сталин орден дал, а маме уже Брежнев – помельче, конечно.

И пошли домой. Идут родители, спотыкаются, ордена блестят, встречные кланяются. Целый день еще радовались. Наутро померли.

ОБ АРИСТОКРАТИИ

Потерянный после 1917 года в России класс аристократии – это куда более весомая потеря, чем может показаться на первый взгляд. И хотя уже многократно писалось об «утечке мозгов», «оскудении интеллекта» и прочем, я все же позволю себе не согласиться с этой постановкой вопроса. Слишком она, простите, «крестьянская» и «рабочая». Дело ведь не в мозгах...

Обозначенная, как «бесполезная и нетрудовая», аристократия в эмиграции создала невероятный культурный подъем для снулой Европы. Представители аристократических семей оказались вполне пригодны для «трудовой» жизни – от литературы, живописи и музыки, до науки и моды. А вот в России все пошло так, как пошло...

Аристократия – это прежде всего стиль. Отношение к жизни. Шкала ценностей, в которой превалируют вещи нематериальные. Потому нельзя родиться аристократом – можно лишь родиться в аристократической семье. И реализовать возможность аристократом стать. Или не реализовать, что тоже бывало неоднократно.

Известны редкие случаи, когда в аристократическую среду проникали люди из «простого народа» – хотя этому предшествовали сложные процессы, и, зачастую, их просто невозможно определить, как сложно, например, определить все факторы, вли-

яющие на образование драгоценного камня: на его рождение, чистоту, структуру... Не будучи специалистом, человек может лишь восхищаться чуду Природы – аналогично и с рождением аристократа.

Если церковь (в особенности те конфессии, которые мало подвержены ревизионизму и обновленческим тенденциям) отвечает за аккумуляцию и сохранение духовной традиции, то аристократия, в свою очередь, отвечает за аккумуляцию, сохранение и развитие традиции духовно-культурной. Это своего рода мостик между церковными догмами и правилами общественной жизни. К аристократу можно апеллировать с точки зрения «высоких материй» – совести, чести, достоинства. К «разночинцу», «крестьянину», «рабочему» с этими критериями подходить бессмысленно – в массе своей они до этих ценностей просто не доросли. Здесь нет уничтожения. Это факт. Народ, выделяя из своей среды аристократию, свидетельствует о том, что высокие истины и цели ему небезразличны – и это уже само по себе важно. А попытка заменить одни идеалы, на другие, более «близкие и понятные», приводит к «царству быдла», где нет идеалов: есть «понятия». То, с чем мы сталкиваемся на протяжении всей Советской и постсоветской истории: лозунг никак не отражает стремление правящего (по месту своему в обществе – аристократического) класса к идеалу. Он только морочит голову обществу, привыкшему (пока) к тому, что аристократия и правящие классы на самом деле верят в то, о чем говорят.

Но не бывает в социуме пустых мест, и недолго век имитаций (хотя и до зубной боли противен и надоедлив). Мне представляется, что сегодня мы переживаем процесс мучительного рождения и кристаллизации новой аристократии – исподволь, с трудом, из «знали б вы, какого сора»...

Впрочем, иначе и не бывало. Не случайно радостно регочущее «население» так любит изучать историю аристократических родов, где в начале «фамильных древ» сплошь разбойнички. Но и среди разбойничков встречаются разные. Есть те, кто за свои

убеждения (совершенно уголовные по сути) готовы на каторгу, на дыбу и на плаху. А есть и те, кто при первой опасности «сливает» подельников и готов служить верой и правдой своим бывшим гонителям. От одних происходят потом аристократы. От вторых – не происходят. Простите за аналогию, но процесс выведения преданной служебной собаки долог, и не каждая случка способна родить породу. От некоторых так и рождаются дворняжки.

Я начал этот разговор в связи с некоторыми подмеченными мной интонациями, разбросанными там и тут – то в стихах, то в прозе – на ниве современного российского сетевого творчества. Меня в очередной раз озадачило (но и порадовало) разделение мнений по поводу, например, ветеранов всяких российских войн: для одних эти люди являются назойливой, придурочной, выжившей из ума и скандальной группой. Для других – все же защитниками Отечества. Пусть даже (отмечу это специально) в несправедливых кампаниях, типа афганской или чеченской. Ибо ветераны не в ответе за ошибки государства: они в ответе за выполнение своего долга.

Мне скажут, что так можно оправдать и функционеров СС, и палачей НКВД-КГБ. Неправда, господа. В каждом деле есть свои пределы. И каждому по вере его. Одно дело – сражаться в окопах, а другое – проводить «массовые зачистки», участвовать в уничтожении женщин и детей из большого чувства вседозволенности победителя. Здесь каждый отвечает за себя: вера и фанатизм – вещи разные. Христианство и инквизиция – не близнецы. Да и кто осмелится утверждать, что христианство – единственно верная из возможных религий? Надеюсь, что никто. Слышали мы уже: «Учение Маркса-Ленина истинно, потому что оно верно». Зато всегда найдется группа фанатиков, готовая уничтожать, насиловать и грабить (особенно насиловать и грабить) во имя некоего лозунга. Уметь отличать одно от другого, и давать соответствующие определения, кстати, – это тоже дело аристократии. Аристократ не вдается в длительные объяснения и аналитику: он ответственен за точность и основательность своего озвученного мнения.

Аналогично – по поводу «пост-фактум» шельмования умерших правителей, например того же Бориса Ельцина. Только окончательно не имеющий уважения к своей стране человек может плевать на могилы тех, кто являлся ее лидерами в «минуты роковые». И сносить памятники. И требовать «суда Истории», видимо считая себя частью этой самой Истории, а не дефисом между двумя датами (которым по сути и является).

Давайте определимся. Страшно время сталинизма? – Да. Был ли Сталин лидером? – Да. Умейте же отличать одно от другого. Умейте пожалеть о сильной личности, которая пошла путем зла и насилия. Либо, как в случае с Ельциным, не справились с навалившимися проблемами (хотя, со многими он справился – только в масштабе отпущенного Богом таланта).

Пустота всегда пышет эмоциями. Либо восторженными – с киданием в воздух чепчиков, либо возмущенными – с «кипением разума». Аристократия куда более сдержанна в проявлениях – и не случайно. Именно у нее в руках находятся настоящие рычаги управления, которые действуют медленно, но неуклонно. А потому ей некогда кричать и злобствовать, некогда, впрочем, и праздновать «в стельку». Ей работать надо. Над новыми критериями чести, совести и разума, забытыми в нашей многострадальной стране. За аристократией – процесс. За всеми прочими – момент.

ЗНАКИ СМЕРТИ

Не помню, как ее звали – помню только фамилию, которая очень шла к ней: Ветрина. Эффектная крашеная блондинка, несколько полноватая, но не толстая, она была из первых постсоветских «бизнес-вумен», двигалась порывисто, говорила громко и уверенно. Занималась разведением и продажей породистых собак и кошек, договорившись об официальной «крыше» с каким-то «Союзкроликозверороводсоюзом». Этот «дважды союз» ставил печати на родословные продаваемых ей животных и получал за это небольшие отчисления, весьма напоминавшие взятки, хотя в тот момент о взятках уже говорить было не принято – говорили о «проценте» и «вознаграждении». Новые русские только начали появляться, их первые представители срочно приобретали аксессуары барской жизни, потому афганские борзые и персидские коты, которых продавала Ветрина, пользовались возрастающим спросом, и их хозяйка постепенно богатела. Одновременно с благосостоянием наступало на нее время, пришел тот трудный женский период, когда все уже можно, и нужно только успеть добрать недобранное. Сын ее недавно освободился – не без помощи матери, отвозившей в зону какие-то подарки, – и попутно с бизнесом, с поисками молодых поклонников Ветрина пристраивала его к делу, правда безуспешно.

Так бы и жили – не тужили.

С возрастом понимаешь: близкая смерть оставляет на лицах людей свои знаки. Так лесник оставляет зарубки на деревьях, которые собирается вырубать. Деревьям невдомек, что значат зарубки – только они подумают, что люди вырубают гнилое и старое, как вдруг выбор падает на строевой лес, на мачтовый, на мебельный... Неисповедимы мысли лесника, неисповедимы полученные им задания. Так и с самими людьми. Неведомый лесник ставит свои отметины, вот только читать их мы не умеем, ибо неисповедимы пути того, кому понадобилась человеческая «древесина»... Может потому лучшие так часто «вырубаются» первыми?

Плохо и то, что уже научившись видеть одни из этих знаков, мы по-прежнему не видим другие: слишком велико их разнообразие. Иногда только внутреннее чутье отводит нас в сторону от того, кто заражен «вирусом умирания» – интуитивно мы чувствуем присутствие чего-то холодного и опасного, но все так же безотчетно, все так же не осмысливая подсказок интуиции.

Сын Ветриной был женат – он женился еще в зоне, по переписке. Считал, что повезло: жена была москвичкой, довольно симпатичной девахой, да еще и жила в одном районе с его матерью: как раз напротив Филевского парка. Сама Ветрина тоже радовалась тому, что у сына образуется нечто серьезное – молодые родили ребенка, жизнь налаживалась, новоиспеченная бабушка стала чаще заходить в магазины с детской одеждой, чем в парфюмерно-модные лавки. Но знаки уже были поставлены, и до конца оставалось совсем недолго.

В последний раз я видел ее после выставки элитных кошек и собак, довольную, раскрасневшуюся, с очень молодым поклонником. Они недавно приехали из Алушты, были загорелы и веселы, а Ветрина планировала съездить с сыном за границу, благо железный занавес проржавел окончательно, и никакая судимость не могла помешать ее отпрыску пересечь кордон.

Сноху она собиралась оставить дома с малышом, но за это привезти ей «чего-нибудь модного». Поговорили, посмеялись, расстались...

... Ее убила сноха в компании с подругой. Вернее, не сами девушки – их поклонники, которых каждая завела на стороне. Пришли в квартиру, Ветрина открыла на голос снохи, а потом ее связали и долго убивали на кухне, пока подруги со своими младенцами искали в гостиной деньги. Ветрина была готова все отдать – просила оставить ее в живых, как вспоминали потом на допросах убийцы. Но не смогла упросить.

... Сын был на суде. Он молча просидел весь процесс, и когда убийцам и их вдохновительницам дали по 10 лет, сказал: «Вам объявили не приговор, а отсрочку».

Не знаю, чем это кончилось. Знаю, что не различил тогда никаких знаков, но упорно не хотел делать с Ветриной дела. Почему? Кто знает...

ВОЙНА И МИР

Нет, это не попытка краткого пересказа романа Льва Толстого – это лишь размышление по поводу неизбежности войны в мире, поделенном на империи. В частности, в таком мире, что интересно, обязательно должна присутствовать некая «империя зла». Кто только ни занимал эту нишу: инквизиторская Испания, колонизаторская Англия, гитлеровская Германия, сталинская Россия... Глубже в историю не погружаюсь, т.к. сведения о древних государствах носят все же характер весьма урывочный и сугубо гадательный. Думаю, что и там нашлось бы немало всякого из этой серии, но лучше все же говорить о временах, кое-как задокументированных. И так... Все эти империи стремились к одному: утверждению в мире своих ценностей в качестве абсолютных приоритетов, ну а заодно (что естественно) – воздаяния себе материальными благами за кровавые труды.

Современники (соотечественники и нет) на такие империи реагировали соответственно: сбивались в группы поддержки и группы инакомыслящих. Ни те, ни другие по сути никак не влияли на происходящее, однако вносили свою лепту в «общественное мнение». Мнение это никого и никогда всерьез не интересовало, разве что, имея его, легче переносить тяготы каторги или ужасы аутодафе. Проходит время, и общественное мнение складывается в пыльную коробку Истории, на которой так и написано: «мысли современников». Благо, если они выражены

творчески: тогда грядущие историки могут еще заинтересоваться ошибочной (или прогрессивной – смотря по потребностям момента) позицией автора. Если же мнение выражалось швырянием комней и ропотом, сжиганием имений и насаживанием на колы, то место ему именно в той самой пыльной коробке. «Глас народа – глас Божий» сказано в анналах. И соответственно к нему относятся: игнорируют и поступают так, как вздумается власть имущим.

Нынешнее время. 2009 год. Кто и когда станет исследовать этот период – неясно и неявно. Бедный историк заблудится в миллионе выраженных печатным словом и задокументированных в Интернете мнений по поводу того, хорош ли был наш век, либо плох? Что представляли собой державы, в нем существовавшие? Кто мыслил прямо, а кто инако? Но вот, что несомненно: роль «империи зла» в нем взяла на себя новая держава – держава, которая всеми своими силами декларировала мировую демократию и приоритеты прав человека. Как это всегда бывает, чем громче декларация, тем больше за нее убивают. Случилось, что сегодня убивают именно за демократию. А до того – за «равенство и братство». СССР отдал эстафетную палочку своему старому идеологическому противнику, и сегодня роли этих сверхдержав сменились до смешного диаметрально. Вернее, это я так говорю, что «до смешного». На самом-то деле, ничего смешного нет в том, что гибнут люди. Хотя можно только диву даваться, как названия в нашу эпоху застыли в идеям. Если бывшие советские диссиденты, стремившиеся всяко обличить советский тоталитаризм, нынче абсолютно не видят развития этого же самого тоталитаризма по другую сторону океана, то остается лишь сожалеть о них... Если война «во имя», которую ведут сегодняшние Штаты во всем мире, может чем-то оправдываться, то я вообще не понимаю, что такое «правозащита» и в чем заключаются пресловутые «демократические ценности»? Неужели правы те, кто говорил, что страны без культуры – это источник смертоносных идей и античеловеческих инициатив?

Тогда всем нам еще достанется в наступившем XXI веке, который мы ждали, как мирный и добрый (в отличие от кровавого и страшного XX века). Тогда мы еще нахлебаемся слез и крови. Тогда мы еще повоюем.

Пишу, пытаюсь угадать последствия. Опираюсь исключительно на ближайший, явленный мне безо всяких чужих трактовок, опыт. Итак, вот политика США, которая до мелочей повторяет бывшую политику СССР:

- насаждение везде и всюду собственных идеологов, произносящих общие слова по поводу приоритета демократии (СССР насаждал «равенство и братство» силами всех своих информационных возможностей);

- подкормка нежизнеспособных режимов в тех странах, которые помогают создать военную «пугалку» для идеологического противника (вернее, даже не противника, а просто «несоюзника» – ведь для слабых те, кто не с ним, всегда считаются «против»);

- подрыв собственной экономики, развал промышленности и науки, образования и культуры. Замена оных эрзацами, готовящими специалистов узкого и сугубо функционального профиля – прежде всего, идеологов и военных;

- запугивание собственного народа внутренними проблемами (бандитизм, мафия, экономические и экологические проблемы), а также «внешней угрозой» (террористы, арабы, россияне, китайцы и т.п.);

- заигрывание с «идеологическими союзниками» за счет собственного народа (опять-таки, развал экономики);

- приход к власти представителей бизнеса и/или национальных меньшинств, приводящий к примату заработка и террора.

Что-то будет?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

LACRIMA CHRISTI.....7

Война в Ираке	9
Обелиск.....	10
Прощание с веком	11
«На границе комнаты и ночи...».....	12
«В комнате, похожей на пещеру»	13
Четыре стихии	14
Пляжное (Кораблик)	16
Художник	17
«Вдоль по долам тут и там...»	18
Колыбельная	19
Предвыборное.....	20
Пришествие.....	21
К национальному вопросу.....	22
Обвинившим меня в разижгании национальной розни	23
Глядя в лужу	24
Старательское	25
Плохой сон	26
Прощание	27
«В сложнейшем из миров...»	28
Предназначение («Отпущу нечесанную бороду...»)	28

НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ 29

Расставания	31
Баллада о старике	32
«Я о ней узнаю по свету окна...».....	35

Осада	36
Цыганке	37
Полустанок	38
«Любовь, случившись в воскресенье...».....	39
Нудистский пляж	40
Базар в Адлере	41
Сонет Сальери.....	42

ЭМБЛЕМАТА 43

Десять типов любви

1. <i>Ludus</i>	45
2. <i>Mania</i>	46
3. <i>Eros</i>	47
4. <i>Storge</i>	48
5. <i>Hais</i>	49
6. <i>Analita</i>	50
7. <i>Pragma</i>	51
8. <i>Victoria</i>	52
9. <i>Philia</i>	53
10. <i>Agape</i>	54

Семь смертных грехов

1. <i>Сладострастие</i>	55
2. <i>Гнев</i>	56
3. <i>Гордыня</i>	57
4. <i>Алчность</i>	58
5. <i>Чревоугодие</i>	59
6. <i>Лень</i>	60
7. <i>Зависть</i>	61
Бездна	63

Упражнение на тему дождя	64
Упражнение на тему осени	65
Жизнеутверждающее из храма мертвых.....	66

URBI.....67

Ощущение старости	69
«Вечерами, когда я не чувствую ног...»	70
Отравленная	71
Городское («Город холодов, лабазов, сараев...»	72
Провинциальный пес	73
Татьяне Демьяновой.....	74
На ином берегу.....	75
Скрипач	76
Поговорим.....	78
«На чужие тротуары...».....	79

Города

1. Крепость в Ашдоде	80
2. На мертвом море	81
2. Дорога Содомы	82
4. Казино «Венеция»	83
5. Хургада	84
6. Тайфун в Гаосюне	85
7. Охотничий домик	86
Железнодорожное («Я уже негляжу из окна на перрон...»)	87
Лето в городе	88
Городская осень	89
Сонет зиме	90

ВЕНОК СОНЕТОВ «ПУТЕШЕСТВИЯ».....91

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ЛЮДИ.....101

До греха.....	103
Лазарь	104
Аввакум	105
Я сказал.....	106
Безнадежное	107
Талант.....	108
Предателю.....	109
Лучшему читателю стихов.....	110
Музе	111
Окуджавское.....	112
Перекличка о Хлудове.....	113
Совет («Плачет женщина ненужная...»)	114
Вечером в гостях («Тима, Тёма, темный бог...»).....	115
Вечер вдвоем	116
Настроение.....	117
Дорога на Бадагри 2	118
Товарищ, верь	120
Шаманский бубен	121
Кукольный вальс	122
Уличное	123
Пародия на пародию.....	124
Мене. Текел. Фарес.....	126
Транспортное	127
«Заклевали черные белую ворону...»	128
Второй крест	129
«Мне снятся лестницы спиральные»	130

ПЕРЕВОДЫ.....131

Ноктюрн (Юджин О'Нил)	133
-----------------------------	-----

О котových именах (Т. Элиот)	134
Дотошная кошка (Т. Элиот)	136
Последний бой Тигрового Рыка (Т. Элиот)	138
Песня коктейль-кошечек (Т. Элиот)	140
Туг-Дуг-Думкин (Т. Элиот)	142
Мимодверри и Шалопандер (Т. Элиот)	144
Старый кот Второзакон (Т. Элиот)	146

ДЖИНН и КАЛЕЙДОСКОП 149

«Духота привычек, сомнений груди...»	151
Ранне-утреннее	152
«Теряясь в пространстве ночи...»	153
«Который день дожди. Мечта о лете...»	154
«В породе ищешь кристаллов другу...»	155
Письмо азбукой Морзе	156
Двое	157
Чайная церемония	158
Новогоднее	159
Сумбурное	160
Ночной разговор	161
В альбом	162
Гендерное	163
Простая молитва	164
Вариации без флейты	165
Сонет	166
Чужими глазами	167
«Приобретя пристойный внешний вид...»	168
.....	169
Осенняя элегия	170

ПРОЗА	171
Из детства	173
На годовщину смерти ежа	175
О «Мастере и Маргарите» (продолжение)	176
О хамстве	179
Рассказ в подъезде	183
Об аристократии	184
Знаки смерти	188
Война и мир	191

Александр Асманов «Последствия» (стихи, проза). Москва. 2009
Тираж 1000 экз. Формат 70x90/32. Гарнитура PragmaticaC.
Бумага офсетная. Отпечатано в типографии

© Александр Асманов
© Оформление и рисунки: Александр Асманов

Корректор: не было
Лит. редактор: не было